
3 1761 08821316 0

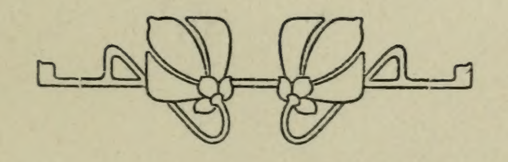
Die Feinde

Szenen von Maxim Gorki.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

ВРАГИ

СЦЕНЫ

STUTTGART
Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger
1906

DRUCK VON ROSENTHAL & CO, BERLIN SO. 16,
Runge-Strasse 20.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

ВРАГИ

СЦЕНЫ

Дѣйствующія лица.

Бардинъ, Захаръ. 45 лѣтъ.
Полина, его жена. Подъ 40 лѣтъ.
Бардинъ, Яковъ. 37 лѣтъ.
Татьяна, его жена. 28 лѣтъ.
Надя, племянница Полины. 18 лѣтъ.
Печенѣговъ, генералъ въ отставкѣ, дядя Бардиныхъ.
Скроботовъ, Михаилъ. 40 лѣтъ.
Клеопатра, жена его. 30 лѣтъ.
Скроботовъ, Николай, братъ его. 35 лѣтъ.
Синцовъ, } конторщики.
Пологій, }
Конь, отставной солдатъ.
Грековъ, }
Лѣвшинъ, }
Ягодинъ, } рабочіе.
Рябцовъ, }
Якимовъ, }
Аграфена, экономка.
Бобоѣдовъ, ротмистръ.
Квачъ, вахмистръ.
Поручикъ.
Слѣдователь.
Письмоводитель.
Становой.
Урядникъ.

Жандармы, солдаты, рабочіе, прислуга.

I.

Садъ. Большія, старыя липы. Въ глубинѣ, подъ ними, бѣлая солдатская палатка. Направо, подъ деревьями, широкій диванъ изъ дерна, передъ нимъ столъ. Налѣво, въ тѣни липъ, длинный столъ накрытый къ завтраку. Кипитъ небольшой самоваръ. Вокругъ стола плетеные стулья и кресла. Аграфена варитъ кофе. Подъ деревомъ стоитъ Конь, куря трубку, передъ нимъ Пологій.

Пологій (говоритъ, нелѣпо жестикулируя). . . . Конечно, ваша правда, я, такъ сказать, человѣкъ маленькій, жизнь у меня мелкая, но каждый огурецъ взращенъ мною собственноручно и рвать его, безъ возмездія мнѣ, я не могу разрѣшить . . .

Конь (угрюмо). А твоего разрѣшенія никто и не спрашиваетъ . . . Рвутъ себѣ и рвутъ . . .

Пологій (прижимая руку къ сердцу). Но позвольте! Если вашу собственность нарушаютъ -- имѣете вы право просить защиты закона?

Конь. Проси. Сегодня огурцы рвутъ, а завтра головы рвать будутъ другъ другу . . . Вотъ тебѣ и законъ!

Пологій. Однако . . . это странно и даже опасно слышать! Какъ-же вы, солдатъ и кавалеръ, можете пренебрегать закономъ?

Конь. Закона — нѣтъ. Есть — команда. Налѣво кругомъ, маршъ! И — ступай! Скажутъ — стой! Значитъ — стой . . .

Аграфена. Вы-бы, Конь, не курили здѣсь вашу махорку, отъ нея листъ на деревьяхъ вянетъ . . .

Пологій. Если-бы они съ голоду, — это я понимаю . . . Голодъ можетъ объяснить многіе поступки... можно сказать, что всѣ подлости совершаются для утоленія голода . . . Когда хочется кушать, то, конечно...

Конь. Ангелы не ѣдятъ, а сатана противъ Бога пошелъ, всетаки . . .

Пологій (радостно). Вотъ это я и называю озорствомъ! . . (Идетъ Яковъ Бардинъ. На лицѣ у него всегда виноватая улыбка. Движенія вялы и медленны. Въ глазахъ что-то больное, тусклое. Говоритъ негромко и какъ-бы самъ прислушивается къ своимъ словамъ. Пологій кланяется ему.)

Яковъ. Здравствуйте . . . вы — что?

Пологій. Къ Захару Ивановичу съ покорной просьбой . . .

Аграфена. Жаловаться пришелъ. У него этой ночью фабричные ребята огурцы украли . . .

Яковъ. А-а . . . Это нужно сказать брату . . .

Пологій. Совершенно вѣрно . . . я къ нимъ и направляюсь.

Конь (ворчливо). Никуда ты не направляешься, а стоишь на одномъ мѣстѣ и ноешь . . .

Пологій. Я вамъ, думается, не мѣшаю. Если-бы вы газету читали или что другое, то, конечно, я бы вамъ мѣшалъ.

Яковъ. Конь, подите сюда . . .

Конь (идетъ). Крохоборъ ты, Пологій . . . Кляузникъ.

Пологій. Вы совершенно напрасно произносите эти слова . . . Языкъ данъ человѣку для вознесенія жалобъ . . .

Аграфена. Да перестаньте, Пологій . . . точно вы не человѣкъ, а комаръ . . .

Яковъ (Коню). Чего онъ тутъ . . . а? Ушелъ-бы...

Пологій (Аграфенѣ). Если слова мои безпокоятъ ваше ухо, но сердца не трогаютъ — я замолчу . . . (Идетъ прочь и прохаживаясь по дорожкѣ щупаетъ рукой деревья.)

Яковъ (смущенно). Что, Конь, я, кажется, вчера опять . . . обидѣлъ кого-то?

Конь (усмѣхаясь). Было. Это — было.

Яковъ (прохаживаясь). Гм . . . удивительно! Почему я всегда дерзости говорю пьяный . . . а, Конь?

Конь. Бываетъ такъ . . . Пьяные люди часто лучше трезвыхъ. У насъ въ ротѣ унтеръ-офицеръ былъ, трезвый — подлиза, ябедникъ, дерется. А пьяный — плачетъ. Братцы, говоритъ, я тоже человѣкъ, плюньте, проситъ, мнѣ въ рожу. Нѣкоторые — плевали . . .

Яковъ. А съ кѣмъ я вчера говорилъ?

Конь. Съ прокуроромъ. Сказали ему, что у него деревянный языкъ . . . Сначала вы Захара Ивановича сконфузили.

Яковъ (задумчиво). Всегда его, сначала . . .

Конь. Потомъ о директоровой женѣ сказали прокурору, что у нея любовниковъ много.

Яковъ. Ну, вотъ . . . а какое мнѣ дѣло до этого?

Конь. Не знаю. Еще вы . . .

Яковъ. Хорошо, Конь, довольно . . . а то окажется, что я всѣмъ что-нибудь сказалъ непріятное . . . Да, вотъ какое несчастіе водка . . . Я говорю о своей болѣзни, Аграфена Ивановна . . . (Подошелъ къ столу и смотритъ на бутылки. Наливаетъ большую рюмку. Маленькими глотками высасываетъ ее. Аграфена искоса глядя на него вздыхаетъ.) Вамъ немножко жалко меня, а?

Аграфена. Очень жалко . . . такой вы простой со всѣми . . . точно и не баринъ . . .

Яковъ. А вотъ, Конь никого не жалѣетъ, онъ только философствуетъ. Философствуютъ — обиженные. Чтобы солдатъ задумался — его надо сильно обидѣть, — такъ, Конь? (Въ палаткѣ раздается крикъ генерала: „Конь! Эй!“) Васъ сильно намучили, оттого вы и умный?

Конь (идетъ). Я какъ увижу генерала, то и самъ снова дуракомъ становлюсь . . .

Генералъ (выходитъ изъ палатки). Конь! Купаться, живо! (Идутъ въ глубину сцены).

Яковъ (сѣлъ, качается на стулѣ). Моя супруга еще спитъ?

Аграфена. Уже встали. Купались.

Яковъ. Такъ вамъ меня жалко? . .

Аграфена. Вамъ-бы полечиться.

Яковъ. Ну, налейте мнѣ немножко коньяку . . . Тутъ есть коньякъ, я видѣлъ . . .

Аграфена. Можетъ не надо, Яковъ Ивановичъ?

Яковъ. А почему? Если я не выпью однажды — это ничему не поможетъ. (Вздохнувъ, Аграфена наливаетъ большую рюмку коньяку. Быстро идетъ Михаилъ Скроботовъ, возбужденный. Нервно теребитъ острую черную бородку. Шляпа — въ рукѣ и онъ мнетъ ее пальцами.)

Михаилъ. Захаръ Ивановичъ всталъ? Нѣтъ еще? Разумѣется! Дайте мнѣ . . . есть тутъ холодное молоко? Спасибо. Доброе утро, Яковъ Ивановичъ . . . Вы знаете новость? . . Эти подлецы требуютъ, чтобы я прогналъ мастера Дичкова . . . да! Грозятъ бросить работу . . . чертъ-бы ихъ . . .

Яковъ. А вы удалите мастера . . .

Михаилъ. Это просто, да, но — не въ этомъ-же дѣло! Дѣло въ томъ, что уступки ихъ развращаютъ . . . Сегодня они требуютъ — прогнать мастера, завтра они захотятъ, чтобы я повѣсился для ихъ удовольствія . . .

Яковъ (мягко). Вы думаете они еще только завтра захотятъ этого?

Михаилъ. Вамъ — шутки! Нѣтъ, вы бы попробовали повозиться съ чумазыми джентельменами, когда ихъ около двухъ тысячъ человѣкъ, да имъ кружатъ головы и вашъ братецъ, разной либеральностью, и какіе-то идіоты, прокламаціями . . . . (Смотритъ на часы.) Скоро десять . . . а въ обѣдъ они обѣщаютъ начать свои дурачества . . . Да-съ, Яковъ Ивановичъ, за время моего отпуска вашъ почтенный братецъ испортилъ мнѣ

фабрику . . . онъ мнѣ развратилъ людей своими колебаніями, недостаткомъ твердости . . .

Яковъ. Вы ему скажите это . . .

Михаилъ. Говорилъ и скажу . . .

Аграфена. Полина Дмитріевна идутъ.

Яковъ. Значитъ сейчасъ всѣ явятся. (Справа является Синцовъ. Ему лѣтъ тридцать. Смотритъ исподлобья, часто улыбается. Въ его фигурѣ и лицѣ есть что-то спокойное и значительное.)

Синцовъ. Михаилъ Васильевичъ! Въ конторѣ пришли депутаты отъ рабочихъ, требуютъ хозяина.

Михаилъ. Требуютъ? О! Пошлите вы ихъ ко всѣмъ чертямъ! (Полина идетъ съ лѣвой стороны.) Извиняюсь, Полина Дмитріевна . . .

Полина (любезно). Вы — всегда ругаетесь. Почему — сейчасъ?

Михаилъ. Да вотъ, все этотъ пролетаріатъ! . . Онъ тамъ — требуетъ! . . Раньше онъ у меня смиренно просилъ . . .

Полина. Вы жестоки съ людьми, увѣряю васъ.

Михаилъ (разводитъ руками). Ну, вотъ!

Синцовъ. Что-же сказать депутатамъ?

Михаилъ. Пусть подождутъ . . . Идите. (Синцовъ, не спѣша, уходитъ.)

Полина. Интересное лицо у этого служащаго. Давно онъ у насъ?

Михаилъ. Около года, кажется . . .

Полина. Онъ дѣлаетъ впечатлѣніе порядочнаго человѣка. Вы знаете кто онъ?

Михаилъ (пожимая плечами). Конторщикъ. Недурной работникъ . . . Получаетъ сорокъ пять рублей. (Смотритъ на часы. Вздыхая оглядывается, видитъ подъ деревомъ Пологаго.) Вы что? За мной?

Пологій. Я, Михаилъ Васильевичъ, къ Захару Ивановичу . . .

Михаилъ. Зачѣмъ?

Пологій. По случаю нарушенія права собственности . . .

Михаилъ (Полинѣ). Вотъ, рекомендую, тоже одинъ изъ новыхъ служащихъ! Человѣкъ недюжинный и съ стремленіемъ къ огородничеству. Глубоко убѣжденъ, что все на землѣ создано затѣмъ, чтобы нарушать его интересы. Все ему мѣшаетъ — солнце, Англія, новыя машины, лягушки . . .

Пологій (улыбаясь). Лягушки, смѣю замѣтить, всѣмъ мѣшаютъ, когда онѣ кричатъ . . .

Михаилъ. Идите-ка вы въ контору! Что это за привычка у васъ — бросить дѣло и ходить жаловаться? Мнѣ это не нравится . . . Идите! (Пологій поклонившись идетъ. Полина съ улыбкой смотритъ на него въ лорнетъ.)

Полина. Вотъ какой вы строгій! А онъ — смѣшной. Вы знаете, въ Россіи люди разнообразнѣе, чѣмъ заграницей.

Михаилъ. Безобразнѣе, скажите, и я соглашусь. Я командую народомъ пятнадцать лѣтъ . . . я знаю что это такое — добрый русскій народъ. У меня мозги вывернуты и сердце напоено желчью . . . Долго-же не идетъ Захаръ Ивановичъ, ахъ!

Полина (Аграфенѣ). Позови, Груша, барина. Вы знаете, чѣмъ онъ занятъ? Доигрываетъ вчерашнюю партію въ шахматы съ вашимъ братомъ.

Михаилъ. Такъ! А тамъ послѣ обѣда хотятъ работу бросать . . . Нѣтъ, знаете, изъ Россіи толку не выйдетъ, никогда! Ужъ это вѣрно! Страна анархизма! Органическое отвращеніе къ работѣ и полная неспособность къ порядку . . . Уваженіе къ законности — отсутствуетъ . . .

Полина. Но это естественно! Какъ возможна законность въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ? Вѣдь, между нами говоря, наше правительство . . .

Михаилъ. Ну, да, я не оправдываю никого! И правительство анархистично. Вы возьмите англо-сакса,

онъ передъ закономъ — мертвъ. (Идутъ Захаръ Бардинъ и Николай Скроботовъ.) Нѣтъ лучшаго матеріала для строенія государства. Англичанинъ передъ закономъ ходитъ, какъ дрессированная лошадь въ циркѣ, на заднихъ ногахъ. Чувство законности у него въ костяхъ, въ мускулахъ . . . Вотъ идутъ . . . Дорогой Захаръ Ивановичъ, здравствуйте! Здравствуй, Николай . . . Позвольте вамъ сообщить о новомъ результатѣ вашей политики съ рабочими, они требуютъ, чтобы я немедля прогналъ Дичкова, въ противномъ случаѣ, послѣ обѣда бросаютъ работу . . . да-съ! Какъ вы на это смотрите?

Захаръ (потирая лобъ). Я? Гм . . . Дичковъ? Это . . . который дерется? И насчетъ дѣвицъ что-то такое . . . да, да . . . знаю! Прогнать Дичкова, разумѣется! Это — справедливо.

Михаилъ (волнуется). Ф-фу! Уважаемый патронъ и компаньонъ, давайте говорить серьезно . . . Рѣчь идетъ о дѣлѣ, а не о справедливости, справедливость, это вотъ задача Николая. И я, извините, но я еще разъ скажу, что справедливость, какъ вы ее понимаете, пагубна для дѣла . . .

Захаръ. Позвольте, дорогой, вы говорите парадоксы!

Михаилъ. Нѣтъ, это справедливость парадоксъ въ промышленности! . .

Николай. Какъ ты кричишь . . .

Полина. Дѣловые разговоры при мнѣ . . . Развѣ это любезно?

Михаилъ. Тысяча извиненій, но я буду продолжать . . . Я считаю это объясненіе рѣшительнымъ. До моего отъѣзда въ отпускъ я держалъ заводъ вотъ такъ . . . (Показываетъ сжатый кулакъ.) И у меня никто не смѣлъ пищать! Всѣ эти воскресныя школы, чтенія и прочія штуки, я, какъ вамъ извѣстно, не считалъ полезными въ нашихъ условіяхъ . . . Сырой русскій мозгъ не вспыхиваетъ свѣтомъ разума, когда въ него

попадаетъ искра знанія — онъ тлѣетъ и чадитъ . . . Простите, я отвлекаюсь . . .

Николай. Говорить надо всегда спокойно.

Михаилъ (едва сдерживаясь). Благодарю за совѣтъ. Онъ очень мудръ — но мнѣ не годится! Ваше отношеніе къ рабочимъ, Захаръ Ивановичъ, въ полгода развинтило и расшатало весь крѣпкій аппаратъ, созданный моимъ восьмилѣтнимъ трудомъ. Меня уважали, меня считали хозяиномъ . . . теперь всѣмъ ясно, что въ дѣлѣ два хозяина, добрый и злой. Добрый, конечно, вы . . .

Захаръ (смущенно). Позвольте . . . Зачѣмъ-же такъ?

Полина. Михаилъ Васильевичъ, вы говорите очень странно!

Михаилъ. Я имѣю причину говорить такъ . . . я поставленъ въ глупѣйшее положеніе! Прошлый разъ я заявилъ рабочимъ, что скорѣе закрою фабрику, чѣмъ выгоню Дичкова . . . Они поняли, что я сдѣлаю такъ, какъ говорю и — успокоились. Въ пятницу вы, Захаръ Ивановичъ, сказали въ чайной рабочему Грекову, что Дичковъ — грубый человѣкъ и вы его собираетесь прогнать . . .

Захаръ (мягко). Но, дорогой мой, если онъ бьетъ людей по зубамъ . . . и прочее? Согласитесь — этого нельзя терпѣть! Мы-же европейцы, мы — культурные люди!

Михаилъ. Прежде всего мы — фабриканты! Рабочіе каждый праздникъ бьютъ другъ друга по зубамъ, какое намъ до этого дѣла? Но вопросъ о необходимости учить рабочихъ хорошимъ манерамъ вамъ придется рѣшать послѣ . . . а сейчасъ васъ ждетъ въ конторѣ депутація, она будетъ требовать, чтобы вы прогнали Дичкова. Что вы думаете дѣлать?

Захаръ. Но развѣ Дичковъ такой цѣнный человѣкъ, а? Мнѣ не кажется, знаете . . .

Николай (сухо). Насколько я понимаю — здѣсь дѣло идетъ не о человѣкѣ, а о принципѣ.

Михаилъ. Именно! Стоитъ вопросъ: кто хозяинъ на фабрикѣ — мы съ вами или рабочіе?

Захаръ (растерянно). Ага . . . я понимаю!

Михаилъ. Если мы уступимъ имъ — я не знаю куда они пойдутъ дальше. Это нахалы. Воскресныя школы и прочій европеизмъ съиграли свою роль за полгода — они смотрятъ на меня волками и есть уже прокламаціи . . . слышенъ запахъ соціализма . . . да!

Захаръ. Да, да, представьте!

Полина. Такая глушь и вдругъ — соціализмъ . . . это смѣшно, право!

Михаилъ. Смѣшно? Вы думаете? Уважаемая Полина Димитріевна, когда дѣти малы, они всѣ миленькія, всѣ забавныя, но постепенно они ростутъ и однажды — мы встрѣчаемся съ большими мерзавцами . . .

Захаръ. Что-же вы хотите дѣлать, а?

Михаилъ. Закрыть заводъ. Пусть немножко поголодаютъ, это ихъ охладитъ. (Яковъ встаетъ, подходитъ къ столу и выпиваетъ. Потомъ медленно уходитъ налѣво.) Когда мы закроемъ заводъ, въ дѣло вступятъ женщины . . . Онѣ будутъ плакать, а слезы женщинъ дѣйствуютъ на людей, опьяненныхъ мечтами, какъ нашатырный спиртъ . . . онѣ отрезвляютъ!

Полина. Вы ужасно жестко говорите?

Михаилъ. Да, жестко. Такъ требуетъ жизнь.

Захаръ. Но, знаете, эта мѣра . . . вызвана-ли она необходимостью? Мнѣ кажется — это слишкомъ . . .

Михаилъ. Вы можете предложить что-нибудь другое?

Захаръ. Если я пойду поговорю съ ними, а?

Михаилъ. Вы, конечно, уступите имъ и тогда мое положеніе станетъ невозможнымъ . . . я принужденъ буду оставить заводъ! . . Вы извините меня, но ваши колебанія мнѣ обидны, да!

Захаръ (поспѣшно). Но, дорогой, вѣдь я не возражаю . . . я только думаю. Вы знаете, я больше помѣ-

щикъ, чѣмъ промышленникъ . . . все это для меня ново, сложно . . . Хочется быть справедливымъ . . . Крестьяне мягче, добродушнѣе рабочихъ . . . съ ними я живу прекрасно! . . Какъ я вижу, среди рабочихъ есть очень любопытныя фигуры, но въ массѣ — я соглашаюсь — они очень распущены . . .

Михаилъ. Особенно съ той поры, какъ вы надавали имъ обѣщаній . . .

Захаръ. Но, видите-ли, послѣ вашего отъѣзда сразу началось какое-то оживленіе . . . т. е. возбужденіе . . . Я, можетъ быть, велъ себя неосторожно . . . однако, нужно было успокоить ихъ. Писали въ газетахъ о насъ . . . И очень рѣзко, знаете . . .

Михаилъ (нетерпѣливо). Сейчасъ семнадцать минутъ одиннадцатаго. Вопросъ необходимо рѣшить; онъ стоитъ такъ: или я закрываю заводъ, или ухожу. Закрывъ заводъ мы не терпимъ убытка — я принялъ мѣры. Спѣшные заказы готовы и въ складахъ кое-что есть . . .

Захаръ. Н-да-а! Необходимо рѣшить сейчасъ . . . я понимаю! Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ?

Николай. Я могу разсуждать только теоретически . . . Думаю, что братъ правъ. Необходимо твердо держаться принциповъ, если намъ дорога культура. Заводъ — маленькое государство . . .

Михаилъ (махнувъ рукой). Ты заѣдешь въ лужу съ этой аналогіей . . .

Николай. Не безпокойся. Во всякомъ государствѣ необходима твердая власть, которая окружаетъ разнообразіе интересовъ населенія желѣзными обручами законовъ . . .

Михаилъ. Это изъ учебника? . .

Николай. Ты страшно неворзенъ . . . И власть только тогда есть твердая власть, когда она строго держитъ подчиненныхъ ей въ рамкахъ разъ навсегда выработанныхъ ею нормъ . . .

Захаръ. Т. е. вы тоже думаете — закрыть? Какъ это досадно! . . Дорогой Михаилъ Васильевичъ, не обижайтесь на меня . . . я отвѣчу минутъ . . . черезъ десять! . . Хорошо?

Михаилъ. Пожалуйста!

Захаръ (спѣшно идетъ налѣво). Полина, я тебя попрошу, иди со мной.

Полина (идя за мужемъ). Ахъ, Боже мой! . . Какъ это все тяжело! . .

Михаилъ (сквозь зубы и грозя кулакомъ). Каша! Кисель!

Николай. Спокойнѣе, Михаилъ, зачѣмъ такъ распускаться?

Михаилъ. У меня нервы болятъ, пойми! Я иду на фабрику и — вотъ! (Вынимаетъ изъ кармана револьверъ.) Я не слѣпъ и не duракъ, меня ненавидятъ благодаря этому болвану! И я не могу бросить дѣло — ты первый осудилъ-бы меня за это. Въ немъ весь нашъ капиталъ . . . Уйди я — этотъ лысый идіотъ все погубитъ.

Николай (спокойно). Гм . . . Это скверно, если ты не преувеличиваешь.

Синцовъ (идетъ). Васъ просятъ рабочіе . . .

Михаилъ. Меня? Что такое?

Синцовъ. Распространился слухъ, что съ обѣда заводъ закроютъ . . .

Михаилъ (брату). Каково! Откуда они знаютъ?

Николай. Вѣроятно, это Яковъ Ивановичъ сказалъ.

Михаилъ. А . . . чертъ! (Смотритъ на Синцова и съ раздраженіемъ, котораго не можетъ сдержать.) Почему именно вы такъ безпокоитесь, г. Синцовъ? Приходите, спрашиваете . . . а?

Синцовъ. Меня просилъ сходить за вами бухгалтеръ.

Михаилъ. Да? Что это за привычка у васъ смотрѣть исподлобья и демонски кривить губы. Чему вы рады, смѣю спросить? . .

Синцовъ. Я думаю — это мое дѣло.

Михаилъ. А я думаю иначе . . . и предлагаю вамъ вести себя со мной болѣе прилично . . . да! . .

Синцовъ. Могу уйти?

Михаилъ. Пожалуйста!

Татьяна (входитъ съ правой стороны). А директоръ . . . торопитесь? (Кричитъ Синцову.) Матвѣй Николаевичъ, здравствуйте!

Синцовъ (ласково). Добрый день. Какъ чувствуете себя? Не устали, нѣтъ?

Татьяна. Нѣтъ, спасибо. Руки болятъ отъ веселъ . . . Идете на службу? Я васъ провожу до калитки. Знаете, что я вамъ хочу сказать . . .

Синцовъ. Нѣтъ, разумѣется.

Татьяна (идетъ рядомъ съ Синцовымъ). Во всемъ, что вы вчера говорили, много ума, но еще больше чего-то враждебнаго, преднамѣреннаго . . . Есть рѣчи, которыя болѣе убѣдительны тогда, когда въ нихъ мало чувства . . . (Не слышно, что говорятъ.)

Михаилъ. Извольте видѣть какая ситуація! Служащій вашъ, котораго вы оборвали за дерзость, фамильярничаетъ на вашихъ глазахъ съ женой брата вашего компаньона! . . Братъ — пьяница, жена — актриса . . . И на кой чертъ они сюда пріѣхали? Неизвѣстно! . .

Николай. Странная женщина. Красива, умѣетъ одѣваться, такъ соблазнительна и, кажется, устраиваетъ романъ съ нищимъ. Эксцентрично, но глупо . . .

Михаилъ (съ ироніей). Это демократизмъ. Она, видишь-ли, дочь прачки и говоритъ, что ее всегда тянетъ къ простымъ людямъ . . .

Николай. Я думаю она очень доступна . . . И, кажется, чувственная . . .

Михаилъ. Ты не зѣвай . . . Этотъ либералъ — спать легъ тамъ, что-ли? Нѣтъ, Россія не жизнеспособна, говорю я! . . Люди сбиты съ толку, никто не въ состояніи точно опредѣлить свое мѣсто, всѣ бродятъ,

мечтаютъ, говорятъ . . . Все разваливается, идетъ криво и косо, талантовъ мало, а тѣ, которые есть — анархисты. Правительство — кучка какихъ-то обалдѣвшихъ людей . . . злые, глупые, они ничего не понимаютъ, ничего не умѣютъ дѣлать . . . и вмѣсто русской исторіи, совершается безконечный русскій скандалъ . . . Главное — никто не находитъ удовольствія въ работѣ . . .

Николай. Удивительныя нелѣпости ты говоришь.

Михаилъ. Почему?

Татьяна (возвращается). Кричите? . . Всѣ, почему-то, начинаютъ кричать . . .

Аграфена. Михаилъ Васильевичъ, васъ просятъ Захаръ Ивановичъ . . .

Михаилъ (идетъ не дослушавъ). Ну, наконецъ!

Татьяна (садится къ столу). Почему онъ такой возбужденный?

Николай. Полагаю, вамъ это не интересно.

Татьяна (спокойно). Пожалуй. Онъ мнѣ напоминаетъ одного полицейскаго. У насъ въ Костромѣ часто дежурилъ на сценѣ полицейскій . . . такой длинный, съ вытаращенными глазами.

Николай. Не вижу сходства съ братомъ . . .

Татьяна. Я говорю не о внѣшнемъ сходствѣ . . . Онъ, полицейскій, тоже всегда торопился куда-то . . . Онъ не ходилъ, а бѣгалъ, не курилъ, а какъ-то задыхался дымомъ . . . казалось, онъ не живетъ, а прыгаетъ, кувыркается, стараясь поскорѣе достичь чего-то . . . а чего — онъ не зналъ . . .

Николай. Вы думаете?

Татьяна. Я увѣрена. Когда у человѣка есть ясная цѣль, онъ идетъ спокойно. А этотъ торопился. И торопливость была особенная — она хлестала его изнутри, и онъ бѣжалъ, бѣжалъ, мѣшая себѣ и другимъ. Онъ не былъ жаденъ, узко-жаденъ . . . онъ только жадно хотѣлъ скорѣе сдѣлать все, что нужно, оттолкнуть отъ себя всѣ обязанности, и обязанность брать

взятки въ томъ числѣ. Взятки онъ не бралъ, а хваталъ, — схватитъ, заторопится и забудетъ сказать спасибо . . . Наконецъ онъ подвернулся подъ лошадей и онѣ его убили . . .

Николай. Вы хотѣли сказать, что энергія брата безцѣльна?

Татьяна. Да? Такъ вышло! Я не хотѣла этого сказать . . . Просто, онъ похожъ на того полицейскаго . . .

Николай. Лестнаго тутъ мало для брата . . .

Татьяна. Я не собиралась говорить о немъ лестно . . .

Николай. Вы оригинально кокетничаете.

Татьяна. Да?

Николай. Но — не весело.

Татьяна (спокойно). Развѣ есть женщины, которымъ съ вами весело?

Николай. Ого!

Полина (идетъ). Сегодня у насъ все какъ-то не клеится. Никто не завтракаетъ, всѣ раздражены . . . Точно не выспались. Надя рано утромъ ушла съ Клеопатрой Петровной въ лѣсъ за грибами . . . Я вчера просила ее не дѣлать этого . . . О, Боже . . . трудно становится жить!

Татьяна. Ты много кушаешь . . .

Полина. Таня, зачѣмъ этотъ тонъ? Ты ненормально относишься къ людямъ . . .

Татьяна. Потому что спокойно?

Полина. Ахъ, легко быть спокойной, когда у тебя ничего нѣтъ и ты свободна . . . А вотъ когда около тебя кормятся тысячи людей . . . это не шутка!

Татьяна. Ты брось, не корми ихъ, пусть они сами живутъ, какъ хотятъ . . . Отдай имъ все — заводъ, землю и успокойся.

Полина. Зачѣмъ такъ говорить? Не понимаю! . . Ты-бы видѣла, какъ разстроенъ Захаръ . . . Мы рѣшили

закрыть заводъ на время, пока рабочіе успокоятся. Но ты подумай, какъ это тяжело! Сотни людей останутся безъ работы . . . у нихъ дѣти . . . ужасно! . .

Татьяна. Такъ не закрывайте, если ужасно . . . Зачѣмъ-же дѣлать непріятности самимъ себѣ?

Полина. Ахъ, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроемъ — рабочіе сдѣлаютъ стачку, и это будетъ еще хуже.

Татьяна. Что будетъ хуже?

Полина. Все вообще . . . Не можемъ-же мы уступать всѣмъ ихъ требованіямъ? И наконецъ, это совсѣмъ не ихъ требованія, а просто соціалисты научили ихъ, они и кричатъ . . . (Горячо.) Этого я не понимаю! Заграницей — соціализмъ на своемъ мѣстѣ, онъ очень разнообразитъ жизнь и дѣйствуетъ открыто . . . А у насъ, въ Россіи, его нашептываютъ рабочимъ изъ-за угловъ, совершенно не понимая, что въ монархическомъ государствѣ это неумѣстно! . . Намъ нужна конституція, а совсѣмъ не это . . . Какъ вы думаете, Николай Васильевичъ?

Николай (усмѣхаясь). Нѣсколько иначе. Соціализмъ очень опасное явленіе. И въ странѣ, гдѣ нѣтъ самостоятельной, такъ сказать, расовой философіи, гдѣ все хватаютъ со стороны и на лету — тамъ онъ долженъ найти для себя почву . . . Мы люди крайностей . . . вотъ наша болѣзнь.

Полина. Это очень вѣрно! Да, мы люди крайностей.

Татьяна (вставая). Особенно ты и твой мужъ. Или вотъ — товарищъ прокурора . . .

Полина. Ты не знаешь, Таня . . . а Захара считаютъ однимъ изъ красныхъ въ губерніи!

Татьяна (ходитъ). Я думаю, онъ краснѣетъ только со стыда, да и то не часто . . .

Полина. Таня! Что ты, Богъ съ тобой? . .

Татьяна. Развѣ это обидно? Я не знала . . . Мнѣ ваша жизнь кажется любительскимъ спектаклемъ. Роли распредѣлены скверно, талантовъ нѣтъ, всѣ играютъ отвратительно . . . Пьесу нельзя понять . . .

Николай. Въ этомъ есть правда. И всѣ жалуются — ахъ, какая скучная пьеса!

Татьяна. Да. Мы портимъ пьесу. Мнѣ кажется, это начинаютъ понимать статисты и всѣ закулисные люди . . . Однажды они прогонятъ насъ со сцены . . . (Идутъ Генералъ и Конь.)

Николай. Однако! Куда вы метнули . . .

Генералъ (кричитъ подходя). Полина! Молока генералу, х-хо! Холоднаго молока! . . (Къ Николаю.) А-а, гробъ законовъ! . . Моя превосходная племянница, ручку! Конь, отвѣчай урокъ: что есть солдатъ?

Конь (скучно). Какъ угодно начальству, ваше превосходительство.

Генералъ. Можетъ солдатъ быть рыбой, а?

Конь. Солдатъ долженъ все умѣть . . .

Татьяна. Милый дядя, вы и вчера забавляли насъ этой сценой . . . Неужели — каждый день?

Полина (вздыхая). Каждый день, послѣ купанья!

Генералъ. Каждый день, да! И всегда разное — обязательно! Онъ, старый шутъ, долженъ самъ выдумывать отвѣты и вопросы.

Татьяна. Вамъ это нравится, Конь?

Конь. Его превосходительству нравится.

Татьяна. А вамъ?

Генералъ. Ему тоже . . .

Конь. Мнѣ не очень . . . Старъ я для цирка . . . ну, а терпѣть надо, когда ѣсть нужно . . .

Генералъ. А! Хитрая каналья! Кругомъ маршъ . . . разъ-два!

Татьяна. Вамъ не скучно издѣваться надъ старикомъ?

Генералъ. Я самъ старикъ! А вы сами скучная... Актриса должна смѣшить, а вы что?

Полина. Ты знаешь, дядя...

Генералъ. Ничего не знаю...

Полина. Мы закрываемъ заводъ...

Генералъ. Ага! Прекрасно! Онъ — свиститъ. Рано утромъ спишь такъ крѣпко, вдругъ — у-у-у! Закрыть его!..

Михаилъ (быстро идетъ). Николай, на минутку! Ну, заводъ закрытъ. Но на всякій случай надо принять мѣры... Пошли телеграмму вице-губернатору, кратко сообщи положеніе дѣла и требуй солдатъ... Подпиши моимъ именемъ.

Николай. Мы съ нимъ тоже пріятели...

Михаилъ. Я знаю. Иду объявить этимъ депутатамъ — къ черту! Ты не говори о телеграммѣ, я самъ скажу, когда будетъ нужно... да?

Николай. Хорошо.

Михаилъ (пріятно возбужденъ). А великолѣпно чувствуется, когда поставишь на своемъ! Это признакъ молодости! Я, братъ, старше тебя годами, но моложе душой, а?

Николай. Это не молодость, а нервозность, я думаю...

Михаилъ (съ ироніей). Ну, конечно! До свиданья, старикъ... Вотъ я тебѣ покажу нервозность! Увидишь! (Смѣясь уходитъ.)

Полина. Рѣшили, Николай Васильевичъ, да?

Николай (уходя). Да, кажется.

Полина. О, Боже мой!..

Генералъ. Что рѣшили?

Полина. Закрыть заводъ...

Генералъ. А... Я это уже слышалъ... Трам-та-та-тамъ! Ти-та-тамъ!.. Скучно!

Татьяна. Да.

Полина. И такъ тревожно, неловко...

Генералъ. Конь!

Конь. Здѣсь.

Генералъ. Удочки и лодку . . . Готово?

Конь. Готово.

Генералъ. Пойду молчать съ рыбами . . . Это болѣе умно, чѣмъ скучать съ людьми . . . (Хохочетъ.) Ловко сказано, а? (Надя бѣжитъ.) А-а, мотылекъ! . . Что такое?

Надя (радостно). Приключеніе! (Обернувшись назадъ зоветъ.) Идите, пожалуйста! Вы возьмите его подъ руку, Клеопатра Петровна. Знаешь, тетя, выходимъ мы изъ лѣсу — вдругъ, трое пьяныхъ рабочихъ . . . понимаешь?

Полина. Ну, вотъ! Я всегда говорила тебѣ . . .

Клеопатра (за нею Грековъ). Представьте, какая гадость!

Надя. Почему гадость? Просто смѣшно! . . Трое рабочихъ, тетя . . . Улыбаются и говорятъ: „Барыни вы наши милыя“ . . .

Клеопатра. Я непремѣнно попрошу мужа прогнать ихъ . . .

Грековъ (улыбаясь). За что-же?

Генералъ (Надѣ). Это кто такой чумазый?

Надя. Нашъ спаситель, дѣдъ, понимаешь?

Генералъ. Ничего не понимаю! . .

Клеопатра (Надѣ). Вы разсказываете Богъ знаетъ какъ . . .

Надя. Я говорю какъ нужно!

Полина. Но ничего нельзя понять, Надя!

Надя. Вы мнѣ мѣшаете, потому что! . . Подходятъ къ намъ и говорятъ: „Барышни! Давайте съ нами пѣсни пѣть“ . . .

Полина. Ахъ, какое нахальство!

Надя. Вовсе нѣтъ! „Мы“, говорятъ, „знаемъ, вы очень хорошо поете . . . Конечно — мы выпивши, но

выпившіе мы лучше!“ Это вѣрно, тетя! Пьяные они не такіе хмурые, какъ всегда . . .

Клеопатра. На наше счастье вотъ этотъ молодой человѣкъ . . .

Надя. Я разскажу лучше васъ! Клеопатра Петровна начала ихъ ругать . . . Это вы напрасно! Увѣряю васъ! . . Тогда одинъ изъ нихъ, такой высокій и худой . . .

Клеопатра (съ угрозой). Я его знаю!

Надя. Взялъ ее за руку и такъ грустно сказалъ: „Такая вы красивая, образованная женщина, смотрѣть на васъ пріятно, а вы ругаетесь! Развѣ мы васъ обидѣли?“ Онъ очень хорошо сказалъ, такъ . . . отъ души! Ну, а другой, онъ, дѣйствительно . . . Онъ сказалъ: „Чего ты съ ними говоришь? Развѣ онѣ что-нибудь могутъ понять? Они — звѣрье“ . . . Это мы звѣрье — я и она! (Смѣется.)

Татьяна (усмѣхаясь). Ты, кажется, очень довольна этимъ титуломъ?

Полина. Я говорила тебѣ, Надя . . . Вотъ ты бѣгаешь всюду . . .

Грековъ (Надѣ). Я могу идти?

Надя. О, нѣтъ, пожалуйста! Хотите чаю? . . Или молока? Хотите? (Генералъ хохочетъ. Клеопатра пожимаетъ плечами. Татьяна смотритъ на Грекова и что-то напѣваетъ сквозь зубы. Полина опустила голову и тщательно вытираетъ ложки полотенцемъ.)

Грековъ (улыбаясь). Спасибо, не хочу.

Надя (убѣдительно). Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь! . . Это все . . . добрые люди, увѣряю васъ!

Полина (протестуя). О, Надя . . .

Надя (Грекову). Вы не уходите, я сейчасъ все разскажу . . .

Клеопатра (недовольно). Однимъ словомъ, этотъ молодой человѣкъ явился во время и уговорилъ своихъ

пьяницъ-товарищей оставить насъ въ покоѣ . . . а я попросила его проводить насъ . . . Вотъ и все! . .

Надя. Ахъ, ну, что это! Если-бы все было какъ вы разсказываете . . . всѣ умерли-бы со скуки!

Генералъ. Каково, а?

Надя (Грекову). Вы сядьте! Тетя, да пригласите-же его сѣсть! Отчего вы всѣ такіе кислые? Вамъ жарко?

Полина (сидя, Грекову). Благодарю васъ, молодой человѣкъ . . .

Грековъ. Не за что . . .

Полина (болѣе сухо). Съ вашей стороны было очень хорошо защитить женщинъ.

Грековъ (спокойно). Онѣ не нуждались въ защитѣ . . . ихъ никто не обижалъ.

Надя. Но, тетя-же! Развѣ можно такъ говорить?

Полина. Я попрошу не учить меня . . .

Надя. Но, пойми, — никакой защиты не было! Онъ просто сказалъ имъ: „Оставьте, товарищи, это не хорошо!“ Они обрадовались ему: „Грековъ! Идемъ съ нами, ты — милый!“ Онъ, дѣйствительно, тетя, очень милый и умный . . . вы извините меня, Грековъ, но вѣдь это правда! . .

Грековъ (усмѣхаясь). Вы ставите меня въ неловкое положеніе . . .

Надя. Да? Но я этого не хочу! . . Это не я, а вотъ они, Грековъ!

Полина. Надя . . . Ты знаешь я не понимаю экстаза . . . Все это смѣшно . . . И — довольно! . .

Надя (возбужденно). Такъ смѣйтесь! Почему-же вы сидите, какъ сычи? Смѣйтесь!

Клеопатра. У Нади способность изъ всякаго пустяка дѣлать исторію, съ шумомъ, съ восторгомъ. И особенно это хорошо сейчасъ, на глазахъ . . . чужого человѣка, который, видите, смѣется надъ ней.

Надя (Грекову). Вы надо мной смѣетесь? Почему?

Грековъ (просто). Я любуюсь вами, а не смѣюсь.

Полина (поражена). Что? Дядя . . .

Клеопатра (усмѣхаясь). Вотъ вамъ!

Генералъ. Ну, баста! Хорошенькаго понемножку. Молодой человѣкъ, вотъ, возьми себѣ и — ступай . . .

Грековъ (отвертываясь). Благодарю . . . не нужно.

Надя (закрывъ лицо руками). Дѣдъ . . . зачѣмъ?

Генералъ (останавливая Грекова). Подожди! Это — десять рублей . . .

Грековъ (спокойно). Ну, и что-же? (Секунду всѣ молчатъ.)

Генералъ (смущенъ). Э . . . Вы кто такой?

Грековъ. Рабочій.

Генералъ. Да! Кузнецъ?

Грековъ. Слесарь.

Генералъ (строго). Это все равно! А почему ты не берешь деньги, а?

Грековъ. Не хочу.

Генералъ (раздражаясь). Что за комедія? Чего-же тебѣ нужно?

Грековъ. Ничего . . .

Генералъ. А, можетъ быть, ты хочешь попросить руку барышни, а? (Хохочетъ. Всѣ смущены выходкой генерала.)

Надя. Ой . . . что вы дѣлаете?

Полина. Дядя, пожалуйста . . .

Грековъ (Генералу, спокойно). Вамъ сколько лѣтъ?

Генералъ (удивленъ). Что? Мнѣ . . . лѣтъ?

Грековъ (такъ-же). Сколько вамъ лѣтъ?

Генералъ (оглядываясь). Что такое? Шестьдесятъ одинъ годъ . . . Ну, и что-же?

Грековъ (идетъ прочь). Въ эти годы слѣдуетъ быть умнѣе.

Генералъ. Какъ? Мнѣ . . . умнѣе?

Надя (бѣжитъ за Грековымъ). Послушайте . . . вы не сердитесь! Онъ — старикъ. И всѣ они добрые люди, честное слово!

Генералъ. Что за чертовщина?

Грековъ. Вы не безпокойтесь . . . это все естественно!

Надя. Имъ — жарко . . . У нихъ, поэтому, дурное настроеніе . . . А я такъ плохо разсказала.

Грековъ (улыбаясь). Какъ-бы вы не разсказали, васъ не поймутъ, повѣрьте. (Они скрываются.)

Генералъ. Это онъ меня . . . смѣлъ, а?

Татьяна. Вы напрасно сунули ваши деньги . . .

Полина. Ахъ, Надя! . . Эта Надя!

Клеопатра. Скажите! Какой гордый испанецъ! Вотъ я попрошу мужа, чтобъ онъ его . . .

Генералъ. Такой щенокъ?!

Полина. Надя — невозможна! . . . Пошла съ нимъ . . . Какъ она волнуетъ!

Клеопатра. Они съ каждымъ днемъ все больше распускаются, ваши соціалисты . . .

Полина. Почему вы думаете, что онъ соціалистъ?

Клеопатра. Ужъ я вижу! Всѣ порядочные рабочіе соціалисты . . .

Генералъ. Я скажу Захару . . . сегодня-же въ шею съ завода этого молокососа!

Татьяна. Заводъ закрытъ.

Генералъ. Вообще — въ шею!

Полина. Таня! Позови Надю . . . я прошу тебя! Скажи ей, что я поражена . . .

Генералъ. Ахъ, скотина! Сколько лѣтъ, а?

Клеопатра. Эти пьяные свистѣли вслѣдъ намъ . . . А вы съ ними любезничаете . . . чтенія разныя . . . къ чему это? . .

Полина. Да, да! . . Вы представьте — въ четвергъ я ѣду въ деревню, вдругъ, свистятъ! . . Даже мнѣ свистятъ, а? Не говоря о неприличіи, это можетъ испугать лошадей!

Клеопатра (поучительно). Захаръ Ивановичъ во многомъ виноватъ! . . Онъ невѣрно опредѣляетъ раз-

стояніе между собой и этимъ народомъ, какъ говоритъ мужъ . . .

Полина. Онъ мягокъ . . . онъ хочетъ быть добрымъ со всѣми! Добрыя отношенія съ народомъ выгоднѣе для обѣихъ сторонъ, это его убѣжденіе . . . Крестьяне очень оправдываютъ его взгляды . . . Берутъ землю, платятъ аренду и все идетъ прекрасно. А эти . . . (Идутъ Татьяна и Надя.) Надя! моя милая, ты понимаешь, какъ неприлично . . .

Надя (горячо). Это вы . . . вы неприличны! Вы всѣ угорѣли отъ жары, вы злые, больные и ничего не понимаете! . . А вы, дѣдъ . . . ахъ, какой вы глупый! . .

Генералъ (взбѣшенъ). Я? Глупъ? Еще разъ?

Надя. Зачѣмъ вы сказали это . . . о рукѣ? Не стыдно вамъ?

Генералъ. Стыдно? Нѣтъ, баста! Благодарю! Довольно, на сегодня! (Идетъ прочь и оретъ.) Конь! Чертъ-бы взялъ всю твою родню, гдѣ тамъ увязли твои дурацкія ноги, болванъ, тупая башка?!

Надя. А вы, тетя, вы! Еще заграницей жили, о политикѣ говорите! Не пригласить человѣка сѣсть, не дать ему чашку чая! . . Эхъ, вы . . . баронесса!

Полина (встаетъ, бросаетъ ложку на траву). Это ужасно! Это нестерпимо . . . что ты говоришь? . .

Надя. И вы, Клеопатра Петровна, тоже . . . дорогой вы были съ нимъ и ласковы и любезны, а здѣсь . . .

Клеопатра. Да что-жъ, цѣловать мнѣ его, что-ли? Извините, онъ не умытъ. И я не расположена слушать ваши выговоры. Вотъ, Полина Дмитріевна, видите? Это демократизмъ или, какъ тамъ — гуманизмъ! Это все ложится пока на шею моего мужа . . . но ляжетъ и на вашу, вы увидите!

Полина. Клеопатра Петровна, я извиняюсь передъ вами за Надю . . .

Клеопатра (уходя). Это лишнее . . . И не въ ней дѣло, не въ одной Надѣ . . . Всѣ виноваты!

Полина. Послушай, Надя! Когда твоя мать умирая поручала мнѣ тебя, твое воспитаніе . . .

Надя. Не трогайте мою маму! Вы говорите о ней всегда не такъ . . .

Полина (изумленно). Надя! Ты больна? . . Опомнись! Твоя мать была сестрой мнѣ, я ее знаю лучше тебя . . .

Надя (со слезами, но сдерживая ихъ). Ничего вы не знаете, вотъ! И бѣдные богатымъ не родня . . . Моя мама была бѣдная, хорошая . . . Вы не понимаете бѣдныхъ! . . Вы вотъ даже тетю Таню не понимаете . . .

Полина. Надежда, я прошу тебя уйти! Уходи!

Надя (уходя). И уйду! . . А всетаки, я права! Не вы, а я!

Полина. Ф-фу! Боже мой . . . Здоровая дѣвушка и вдругъ . . . такой припадокъ, почти истерія! Ты извини меня, Таня, но здѣсь я вижу твое вліяніе . . . да! Ты говоришь съ ней обо всемъ, какъ со взрослой . . . вводишь ее въ компанію служащихъ . . . эти конторщики . . . какіе-то интеллигенты изъ рабочихъ . . . какой абсурдъ! Наконецъ, катанья въ лодкахъ . . .

Татьяна. Ты успокойся . . . выпей чего-нибудь, что-ли! Тебѣ нужно согласиться, что съ этимъ рабочимъ ты вела себя . . . довольно безтолково! Вѣдь онъ не изломалъ-бы стула, если-бъ ты предложила ему сѣсть.

Полина. Ты не права, нѣтъ . . . Развѣ можно сказать, что я дурно отношусь къ рабочимъ? Но все должно имѣть свои границы, моя дорогая . . . (Медленно идетъ Яковъ. Выпившій.)

Татьяна. Затѣмъ, я ее никуда не ввожу, какъ ты говоришь. Она сама идетъ . . . и я не думаю, что ей нужно мѣшать . . .

Полина. Она сама идетъ! Какъ-будто она понимаетъ — куда?

Яковъ (садясь). А на заводѣ будетъ бунтъ . . .

Полина (тоскливо). Ахъ, перестаньте, Яковъ Ивановичъ . . .

Яковъ. Будетъ. Бунтъ будетъ. Они зажгутъ заводъ и всѣхъ насъ изжарятъ на огнѣ . . . какъ зайцевъ . . .

Татьяна (съ досадой). Ты, кажется, уже выпилъ . . .

Яковъ. Я въ это время всегда уже выпилъ . . . Сейчасъ видѣлъ Клеопатру . . . это очень дрянная баба! Не потому, что у нея много любовниковъ . . . но потому, что въ груди у нея, вмѣсто души, сидитъ старая, злая собака . . .

Полина (встаетъ). Ахъ, Боже мой, Боже мой! . . Все шло хорошо и вдругъ . . . (Ходитъ по саду.)

Яковъ. Небольшая собака съ облѣзлой шерстью. Жадная. Сидитъ и скалитъ зубы . . . Уже сыта, все ѣла . . . но чего-то хочетъ еще . . . А чего — не знаетъ . . . И безпокоится . . .

Татьяна. Замолчи, Яковъ . . . Вонъ идетъ твой братъ.

Яковъ. Мнѣ не нуженъ братъ! . . Таня, я понимаю, меня нельзя уже любить . . . но, всетаки, это мнѣ обидно! Обидно . . . и не мѣшаетъ мнѣ любить тебя . . .

Татьяна. Ты бы освѣжился . . .

Захаръ (подходя). Что? Объявили уже, что заводъ закрывается?

Татьяна. Не знаю.

Яковъ. Не объявили, но рабочіе знаютъ.

Захаръ. Почему? Кто сказалъ имъ? . .

Яковъ. Я. Пошелъ и сказалъ.

Полина (подходитъ). Зачѣмъ?

Яковъ (пожимая плечами). Такъ . . . Имъ это интересно. Я имъ все говорю . . . если они слушаютъ. Они меня любятъ, я думаю. Имъ пріятно видѣть, что братъ ихъ хозяина — пьяница. Это должно внушать идею равенства всѣхъ людей.

Захаръ. Гм . . . ты, Яковъ, часто бываешь на заводѣ . . . противъ этого я, конечно, ничего не имѣю! . . Но Михаилъ Васильевичъ говоритъ, что иногда ты, разговаривая съ рабочими, осуждаешь порядки на заводѣ . . .

Яковъ. Это онъ вретъ. Я ничего не понимаю въ порядкахъ.

Захаръ. А, также, онъ говоритъ, что ты иногда приносишь съ собой водку . . .

Яковъ. Вретъ. Не приношу, а посылаю за ней, и не иногда, а всегда. Ты-же понимаешь, что безъ водки я имъ не интересенъ!

Захаръ. Но, Яковъ, посуди самъ, ты братъ хозяина . . .

Яковъ. Это не единственный мой недостатокъ . . .

Захаръ (обиженно). Ну, я молчу! Молчу! Вокругъ меня создается непонятная мнѣ атмосфера враждебности . . .

Полина. Да, это вѣрно. Ты послушалъ-бы, что тутъ говорила Надежда!

Пологій (бѣжитъ). Позвольте сказать . . . сейчасъ . . . сейчасъ убитъ господинъ директоръ . . . выстрѣломъ . . .

Захаръ. Какъ?

Полина. Вы . . . что вы?

Пологій. Совершенно . . . убитъ . . . упалъ . . .

Захаръ. Кто . . . кто стрѣлялъ?

Пологій. Рабочіе . . .

Полина. Схватили ихъ?

Захаръ. Докторъ тамъ?

Пологій. Я не знаю . . .

Полина. Яковъ Ивановичъ . . . да идите вы!

Яковъ (разводя руками). Куда?

Полина. Какъ это случилось?

Пологій. Господинъ директоръ были въ ажитаціи . . . и попали ногой въ животъ рабочему . . .

Яковъ. Идутъ . . . сюда . . . (Шумъ. Ведутъ Михаила Скроботова, подъ одну руку Лѣвшинъ, лысоватый пожилой рабочій, подъ другую — Николай. Ихъ провожаютъ нѣсколько рабочихъ, служащихъ и урядникъ. Потомъ появляются Становой, Клеопатра.)

Михаилъ (устало). Оставьте меня . . . положите . . .

Николай. Ты видѣлъ кто стрѣлялъ?

Михаилъ. Я усталъ . . . о, я усталъ . . .

Николай (настойчиво). Ты замѣтилъ кто стрѣлялъ?

Михаилъ. Мнѣ больно . . . Какой-то рыжій . . . Положите меня . . . какой-то рыжій . . . (Его укладываютъ на дерновую скамью.)

Николай (Уряднику). Вы слышали? Рыжій . . .

Урядникъ. Слушаю! . .

Михаилъ. А! Теперь все равно . . . у него зеленые глаза . . .

Лѣвшинъ (Николаю). Вы-бы не тревожили его въ такую минуту . . .

Николай. Молчать! Гдѣ-же докторъ? . . Докторъ гдѣ, я спрашиваю? . . (Всѣ безтолково суетятся, шепчутся.)

Михаилъ. Не кричи . . . Мнѣ больно . . . Дайте-же отдохнуть! . .

Лѣвшинъ. Отдохните, Михаилъ Васильевичъ, ничего! Эхъ, дѣла человѣческія, копѣечныя дѣла! Изъ-за копѣйки пропадаемъ . . . Она и мать намъ, и смерть наша . . .

Николай. Урядникъ! . . Попросите удалиться всѣхъ лишнихъ.

Урядникъ (негромко). Пошелъ прочь, ребята! Нечего тутъ смотрѣть . . .

Захаръ (тихо). Гдѣ-же докторъ?

Николай. Миша . . . Миша? . . (Наклоняется къ брату и всѣ наклоняются за нимъ.) Мнѣ кажется . . . онъ скончался . . . да.

Захаръ. Не можетъ быть!

Николай (медленно, негромко). Да. Онъ умеръ . . . Вы это понимаете, Захаръ Ивановичъ? . .

Захаръ. Но . . . вы можете ошибиться!

Николай. Нѣтъ. Это вы поставили его подъ выстрѣлъ, вы!

Захаръ (пораженъ). Я?

Татьяна. Какъ это жестоко . . . глупо!

Николай (наступая на Захара). Да, вы! . .

Становой (бѣжитъ). Гдѣ господинъ директоръ? Тяжело раненъ?

Лѣвшинъ. Померъ. Торопилъ, торопилъ всѣхъ, а самъ — вотъ . . .

Николай (Становому). Онъ успѣлъ сказать, что его убилъ какой-то рыжій . . .

Становой. Рыжій? Гм . . .

Николай. Да. Примите мѣры . . . немедленно!

Становой (Урядннку). Немедленно собрать всѣхъ рыжихъ!

Урядникъ. Слушаю!

Становой. Всѣхъ! (Урядникъ уходитъ.)

Клеопатра (бѣжитъ). Гдѣ онъ? Миша . . . Что такое . . . обморокъ? Николай Васильевичъ . . . это обморокъ? (Николай отвертывается всторону. Идетъ, прихрамывая, старичекъ Докторъ.) Умеръ? Нѣтъ!

Лѣвшинъ. Успокоился. Не достигъ . . .

Николай (злобно, но негромко). Вы — прочь! (Становому.) Уберите этого! . .

Клеопатра. Ну, что . . . что, докторъ?

Становой (Лѣвшину, тихо). Ты! Пошелъ!

Лѣвшинъ (тихо). Иду. Зачѣмъ толкать?

Докторъ. Ну, къ сожалѣнію, я тутъ безполезенъ . . . н-да . . .

Клеопатра (негромко). Убили?

Полина (Клеопатрѣ). Моя дорогая . . .

Клеопатра (негромко, зло). Подите прочь! Вѣдь это ваше дѣло . . . ваше!

Захаръ (подавленно). Я понимаю . . . вы поражены . . . но, зачѣмъ-же . . . зачѣмъ-же такъ?

Полина (со слезами). Вы подумайте, дорогая, какъ это страшно! . .

Клеопатра. Страшно, да?

Татьяна (Полинѣ). Ты уйди . . .

Клеопатра. Это вы убили его вашей проклятой дряблостью!

Николай (сухо). Успокойтесь, Клеопатра! . . Захаръ Ивановичъ не можетъ не сознавать своей вины передъ нами . . .

Захаръ (подавленный). Господа . . . я не понимаю! Что вы говорите? Развѣ можно бросать такое обвиненіе? . .

Полина. Какой ужасъ! Боже мой . . . такъ безжалостно!

Клеопатра. А, безжалостно? Вы натравили на него рабочихъ, вы уничтожили среди нихъ его вліяніе . . . они боялись его, они дрожали передъ нимъ . . . и — вотъ! Теперь они убили . . . Это вы . . . вы виноваты! На васъ его кровь . . .

Николай. Довольно . . . не надо кричать!

Клеопатра (Полинѣ). Плачете? Пусть она изъ глазъ вашихъ потечетъ, его кровь! . .

Урядникъ (идетъ). Ваше благородіе! . .

Становой. Тише, ты!

Урядникъ. Рыжіе готовы! (Въ глубинѣ сада идетъ Генералъ и, толкая передъ собой Коня, громко хохочетъ.)

Николай. Тише! . .

Клеопатра. Что, убійцы?

ЗАНАВѢСЪ.

II.

Лунная ночь. На землѣ лежатъ густыя, тяжелыя тѣни. На столѣ въ безпорядкѣ наброcано много хлѣба, огурцовъ, яицъ, стоятъ бутылки съ пивомъ. Горятъ свѣчи въ абажурахъ. Аграфена моетъ посуду. Ягодинъ, сидя на стулѣ съ палкой въ рукѣ, куритъ. Слѣва стоятъ Татьяна, Надя, Лѣвшинъ. Всѣ говорятъ тихо, пониженными голосами и какъ-будто прислушиваясь къ чему-то. Общее настроеніе — тоскливаго и тревожнаго ожиданія.

Лѣвшинъ (Надѣ). Все человѣческое на землѣ — мѣдью отравлено, барышня милая! Вотъ отчего скучно душѣ вашей молодой . . . Всѣ люди связаны мѣдной копѣйкой, а вы свободная еще, и нѣтъ вамъ мѣста въ людяхъ. На землѣ каждому человѣку копѣйка звенитъ: возлюби меня, яко самого себя . . . а васъ это не касается!

Ягодинъ (Аграфенѣ). Ефимычъ и господъ учить началъ . . . чудакъ!

Аграфена. Что-жъ? Онъ правду говоритъ. Немножко правды и господамъ знать надо . . .

Лѣвшинъ. Звенитъ, да . . .

Ягодинъ (задумчиво). А кто нашего брата кромѣ копѣйки оградить можетъ? Никто! . .

Надя. Вамъ очень тяжело жить, Ефимычъ?

Лѣвшинъ. Мнѣ — не очень. У меня дѣтей нѣтъ. Баба есть, жена, значитъ, а дѣти всѣ померли.

Надя. Тетя Таня! Почему когда въ домѣ мертвый, всѣ говорятъ тихо? . .

Татьяна. Я не знаю . . .

Лѣвшинъ (съ улыбкой). Потому, барышня, что виноваты мы передъ покойникомъ, кругомъ виноваты . . .

Надя. Но вѣдь не всегда, Ефимычъ, людей . . . вотъ такъ . . . убиваютъ . . . При всякомъ покойникѣ тихо говорятъ . . .

Лѣвшинъ. Милая, — всѣхъ мы убиваемъ! Которыхъ пулями, которыхъ словами, всѣхъ мы убиваемъ дѣлами нашими. Гонимъ людей со свѣту въ землю и не видимъ этого и не чувствуемъ . . . а вотъ когда бросимъ человѣка смерти, тогда и поймемъ немножко нашу вину передъ нимъ. Станетъ жалко умершаго, стыдно предъ нимъ и страшно въ душѣ . . . вѣдь и насъ также гонятъ, и мы въ могилу приготовлены! . .

Надя. Да-а . . . это страшно!

Лѣвшинъ. Ничего! Теперь — страшно, а завтра — все пройдетъ. И опять начнутъ люди толкаться . . . Упадетъ человѣкъ, котораго затолкаютъ, всѣ замолчатъ на минутку, сконфузятся . . . вздохнутъ — да и опять за старое! . . Опять своимъ путемъ . . . Темнота! А путь у всѣхъ одинъ . . . тѣсновато, да . . . А вотъ вы, барышня, вины своей не чувствуете — вамъ и покойники не мѣшаютъ, вы и при нихъ можете громко говорить . . .

Татьяна. Что нужно сдѣлать, чтобы жить иначе? . . Вы знаете? . .

Лѣвшинъ (таинственно). Копѣйку надо уничтожить . . . схоронить ее надо! Ее не будетъ — зачѣмъ враждовать, зачѣмъ тѣснить другъ друга?

Татьяна. Это — все?

Лѣвшинъ. Для начала — хватитъ! . .

Татьяна. Хочешь пройтись по саду, Надя?

Надя (задумчиво). Хорошо . . . (Онѣ идутъ въ глубину сада. Лѣвшинъ — къ столу. У палатки появляются Генералъ, Конь и Пологій.)

Ягодинъ. Ты, Ефимычъ, и на камнѣ сѣешь . . . чудакъ! . .

Лѣвшинъ. А что?

Ягодинъ. Напрасно стараешься . . . Развѣ они поймутъ? Рабочая душа пойметъ, а господской это не по недугу . . .

Лѣвшинъ. Душа душой . . . да вѣдь всѣ около одного мѣста трутся . . .

Аграфена. Можетъ, еще выпьете чаю?

Лѣвшинъ. Это — можно . . . (Молчатъ. Слышенъ густой голосъ Генерала. Мелькаютъ бѣлыя платья Нади и Татьяны.)

Генералъ. Или протянуть черезъ дорогу веревку . . . такъ, чтобы ее не видно было . . . идетъ человѣкъ и вдругъ — хлопъ!

Пологій. Пріятно видѣть, когда человѣкъ падаетъ, ваше превосходительство! . .

Ягодинъ. Слышишь?

Лѣвшинъ. Слышу . . .

Конь. Сегодня этого нельзя ничего — покойникъ въ домѣ. При покойникѣ не шутятъ.

Генералъ. Не учить меня! Когда ты умрешь, я плясать буду! . . (Къ столу идутъ Татьяна и Надя.)

Лѣвшинъ. Старъ человѣкъ! . .

Аграфена (идетъ къ дому). Ужъ такъ онъ озорничать любитъ . . .

Татьяна (садится къ столу). Ефимычъ, скажите, вы — соціалистъ?

Лѣвшинъ (просто). Я-то? Нѣтъ. Мы вотъ съ Тимофѣемъ ткачи, мы — ткачи . . .

Татьяна. А вы знаете соціалистовъ? Слышали о нихъ?

Лѣвшинъ. Слыхали . . . Знать — не знаемъ, а слыхали, да!

Татьяна. Вы Синцова знаете? Конторщика?

Лѣвшинъ. Знаемъ. Мы всѣхъ служащихъ знаемъ. . .

Татьяна. Говорили съ нимъ?

Ягодинъ (безпокойно). О чемъ намъ говорить? Они — на верху, мы — внизу. Придешь въ контору, они намъ скажутъ, что имъ директоръ велѣлъ . . . и все! Вотъ и знакомство.

Надя. Вы, кажется, боитесь насъ, Ефимычъ? Вы не бойтесь, намъ интересно . . .

Лѣвшинъ. Зачѣмъ бояться? Мы ничего худого не сдѣлали. Насъ вотъ позвали сюда для охраны порядка — мы пришли. Тамъ народъ, который разозлился, говоритъ: сожжемъ заводъ и все сожжемъ, одни угли останутся. Ну, а мы противъ безобразія. Жечь ничего не надо . . . зачѣмъ жечь? Сами-же мы строили, и отцы наши, и дѣды . . . и вдругъ — жечь!

Татьяна. Вы не думаете-ли, что мы разспрашиваемъ васъ съ какимъ-нибудь злымъ умысломъ? . .

Ягодинъ. Зачѣмъ? Мы зла не желаемъ!

Лѣвшинъ. Мы такъ думаемъ — что сработано, то свято. Труды людскіе цѣнить надо по справедливости, это такъ, а не жечь. Ну, а народъ теменъ, огонь любитъ. Обозлились. Покойничекъ строгонекъ былъ съ нами, не тѣмъ будь помянутъ!

Надя. А дядя? Онъ — лучше?

Ягодинъ. Захаръ Ивановичъ?

Надя. Да! Онъ — добрый? Или онъ . . . тоже обижаетъ васъ?

Лѣвшинъ. Мы этого не говоримъ . . .

Ягодинъ (угрюмо). Для насъ всѣ одинаковы. И строгіе, и добрые . . .

Лѣвшинъ (ласково). И строгій — хозяинъ, и добрый — хозяинъ. Болѣзнь костей не разбираетъ.

Ягодинъ (скучно). Конечно, Захаръ Ивановичъ человѣкъ съ сердцемъ.

Надя. Значитъ, лучше Скроботова, да?

Ягодинъ (тихо). Да вѣдь директора нѣтъ ужъ . . .

Лѣвшинъ. Дядюшка вашъ, барышня, мужчина хорошій . . . Только намъ . . . намъ отъ красоты его не легче.

Татьяна (съ досадой). Пойдемъ, Надя . . . Они не хотятъ понять насъ . . . ты видишь!

Надя (тихо). Да . . . (Молча идутъ. Лѣвшинъ смотритъ вслѣдъ имъ, потомъ на Ягодина. Оба улыбаются.)

Ягодинъ. Вотъ тянутъ за душу!

Лѣвшинъ. Интересно, видишь, имъ . . .

Ягодинъ. А, можетъ, думаютъ, и сболтнутъ чего-нибудь.

Лѣвшинъ. Барышня-то хорошая . . . Жаль — богатая!

Ягодинъ. Матвѣю-то Николаевичу надо сказать . . . барыня, молъ, разспрашиваетъ . . .

Лявшинъ. Скажемъ.

Ягодинъ. Какъ-то тамъ, а? Должны намъ уступить . . .

Лѣвшинъ. Теперь, когда его нѣтъ, что имъ дѣлать?

Ягодинъ. Да-а . . . Спать хочется!

Лѣвшинъ. Потерпи . . . Вонъ, генералъ идетъ. (Генералъ идетъ къ столу. Рядомъ съ нимъ почтительно шагаетъ Пологій, сзади — Конь. Пологій вдругъ подхватываетъ генерала подъ руку.)

Генералъ. Что?

Пологій. Ямочка . . .

Генералъ. А . . . Что тутъ на столѣ? Дрянь какая-то. Это вы ѣли?

Ягодинъ. Такъ точно . . . Барышня тоже съ нами кушали.

Генералъ. Ну, что-же? . . Охраняете, а?

Ягодинъ. Такъ точно . . . караулимъ.

Генералъ. Молодцы! Скажу про васъ губернатору. Васъ сколько тутъ?

Лѣвшинъ. Двое!

Генералъ. Дуракъ! Я умѣю считать до двухъ... Сколько всѣхъ?

Ягодинъ (торопливо). Человѣкъ тридцать.

Генералъ. Оружіе есть?

Лѣвшинъ (Ягодину). Тимофѣй, у тебя гдѣ пистолетъ?

Ягодинъ. Вотъ онъ.

Генералъ. Не бери за дуло . . . чертъ! Стой, почему съ него капаетъ?

Ягодинъ. Жирно смазали, должно быть . . .

Генералъ. Да это молоко! Что-же ты его въ молокѣ мочишь? Этакое чучело! Конь, вытри! И научи болвановъ какъ надо держать оружіе въ рукѣ. (Лѣвшину.) У тебя есть револьверъ?

Лѣвшинъ. За пазухой.

Генералъ. Что-же, если мятежники придутъ, вы будете стрѣлять?

Лѣвшинъ. Они не придутъ, ваше превосходительство . . . такъ это они, погорячились и — прошло.

Генералъ. А если придутъ?

Лѣвшинъ. Обидѣлись они очень . . . по случаю закрытія завода . . . Нѣкоторые дѣтей имѣютъ.

Генералъ. Что ты мнѣ поешь? Я спрашиваю — стрѣлять будешь?

Лѣвшинъ. Да мы, ваше превосходительство, готовы . . . почему-же не пострѣлять? Только не умѣемъ мы . . . Изъ ружей-бы . . .

Генералъ. Конь! Иди, научи ихъ . . . Ступай туда, къ рѣкѣ . . .

Конь (угрюмо). Докладываю вашему превосходительству — ночь теперь. И произойдетъ возбужденіе, если стрѣлять. Прилезетъ народъ. А мнѣ — какъ желаете.

Генералъ. Отложить до завтра!

Лѣвшинъ. А завтра все будетъ тихо. Заводъ откроютъ . . .

Генералъ. Кто откроетъ?

Лѣвшинъ. Захаръ Ивановичъ. Онъ теперь насчетъ этого собесѣдуетъ съ рабочими . . .

Генералъ. Чертъ! Я-бы этотъ заводъ закрылъ навсегда. Не свисти рано утромъ.

Ягодинъ. Попозднѣе и намъ-бы лучше . . .

Генералъ. А васъ всѣхъ — уморить голодомъ! Не бунтуй!

Лѣвшинъ. Да мы развѣ бунтуемъ?

Генералъ. Молчать! Вы чего тутъ торчите? Вы должны ходить вдоль забора . . . и если кто полезетъ — стрѣлять . . . Я отвѣчаю!

Лѣвшинъ. Идемъ, Тимофѣй. Пистолетъ-то захвати . . .

Генералъ (вслѣдъ имъ). Пистолетъ! Ослы зеленые! Даже оружія не могутъ правильно назвать . . .

Пологій. Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству — народъ вообще грубый и звѣрскій . . . Возьму свой случай — имѣя огородъ, собственноручно развожу въ немъ овощи . . .

Генералъ. Да. Это похвально!

Пологій. Работаю, по мѣрѣ свободнаго времени . . .

Генералъ. Всѣ должны работать! (Татьяна и Надя идутъ.)

Татьяна (издали). Зачѣмъ вы такъ кричите?

Генералъ. Меня раздражаютъ. (Пологому). Ну?

Пологій. Но почти каждую ночь рабочіе похищаютъ плоды моихъ трудовъ . . .

Генералъ. Воруютъ?

Пологій. Именно. Ищу защиты закона, но оный представленъ здѣсь господиномъ становымъ приставомъ, личностью равнодушной къ бѣдствіямъ населенія . . .

Татьяна (Пологому). Послушайте, зачѣмъ это вы говорите такимъ глупымъ языкомъ?

Пологій (смущенъ). Я? Извините! . . Но я три года учился въ гимназіи и ежедневно читаю газету . . .

Татьяна (улыбаясь). А, вотъ что . . .

Надя. Вы очень смѣшной, Пологій!

Пологій. Если это вамъ пріятно видѣть, я очень радъ! Человѣкъ долженъ быть пріятенъ . . .

Генералъ. Вы рыбу удить любите?

Пологій. Не пробовалъ, ваше превосходительство!

Генералъ (пожимая плечами). Странный отвѣтъ!

Татьяна. Чего не пробовали — удить или любить?

Пологій (сконфузился). Первое.

Татьяна. А второе?

Пологій. Второе пробовалъ.

Татьяна. Вы женаты?

Пологій. Только мечтаю объ этомъ . . . Но, получая всего сорокъ рублей въ мѣсяцъ, — (Быстро идутъ Николай и Клеопатра.) не могу рѣшиться.

Николай (возбужденно). Нѣчто изумительное! Полный хаосъ!

Клеопатра. Какъ онъ смѣетъ? Какъ онъ могъ! . .

Генералъ. Въ чемъ дѣло?

Клеопатра (кричитъ). Вашъ племянникъ — тряпка! Онъ согласился на всѣ требованія бунтовщиковъ . . . убійцъ моего мужа!

Надя (тихо). Но развѣ всѣ они убійцы?

Клеопатра. Это — глумленіе надъ трупомъ . . . и надо мной! Открыть заводъ въ то время, когда еще не похороненъ человѣкъ, котораго мерзавцы убили именно за то, что онъ закрылъ заводъ!

Надя. Но дядя боится, что они все сожгутъ . . .

Клеопатра. Вы ребенокъ . . . и должны молчать . . .

Николай. А рѣчь этого мальчишки . . . Явная проповѣдь соціализма . . .

Клеопатра. Какой-то конторщикъ всѣмъ распоряжается, даетъ совѣты . . . осмѣлился сказать, что преступленіе было вызвано самимъ покойнымъ! . .

Николай (записывая что-то въ записную книжку). Этотъ человѣкъ подозрителенъ, — онъ слишкомъ уменъ для конторщика . . .

Татьяна. Вы говорите о Синцовѣ?

Николай. Именно.

Клеопатра. Я чувствую, что мнѣ, какъ-будто, плюнули въ лицо . . .

Пологій (Николаю). Позвольте замѣтить: читая газеты, господинъ Синцовъ всегда разсуждаетъ о политикѣ и очень пристрастно относится къ властямъ . . .

Татьяна. (Николаю). Вамъ это интересно слышать?

Николай (съ вызовомъ). Да, интересно . . . Вы думаете меня смутить?

Татьяна. Я думаю, что господинъ Пологій лишній здѣсь . . .

Пологій (смущенно). Извините . . . я уйду! (Уходитъ спѣшно.)

Клеопатра. Онъ идетъ сюда . . . я не хочу, не могу его видѣть! (Быстро идетъ налѣво.)

Надя. Что такое творится?

Генералъ. Я слишкомъ старъ для такой канители! Убиваютъ, бунтуютъ! Пригласивъ меня къ себѣ отдыхать, Захаръ долженъ былъ предвидѣть . . . и я ему скажу, что мнѣ здѣсь неудобно, да! (Появляется Захаръ. Взволнованъ, но доволенъ. Видитъ Николая, смущенно останавливается, поправляетъ очки.) Послушай, дорогой племянникъ . . . э . . . ты понимаешь свои поступки?

Захаръ. Подождите, дядя! Минутку . . . Николай Васильевичъ . . .

Николай. Да-съ . . .

Захаръ. Рабочіе были такъ возбуждены . . . и боясь разгрома своего завода . . . я удовлетворилъ ихъ требованіе не прекращать работъ. А такъ-же насчетъ

Дичкова . . . Я поставилъ имъ условіе — выдать преступника, и они уже принялись искать его . . .

Николай (сухо). Они могли-бы не безпокоиться объ этомъ. Мы найдемъ убійцу безъ ихъ помощи.

Захаръ. Мнѣ кажется лучше, если они сами . . . да . . . Заводъ мы рѣшили открыть завтра съ полудня . . .

Николай. Кто это — мы?

Захаръ. Я . . .

Николай. Ага . . . Благодарю за сообщеніе . . . Однако, мнѣ кажется, что послѣ смерти брата его голосъ переходитъ ко мнѣ и къ его женѣ и, если я не ошибаюсь, вы должны были посовѣтоваться съ нами, а не рѣшать вопросъ единолично . . .

Захаръ. Но я васъ приглашалъ! Синцовъ ходилъ за вами . . . вы отказались . . .

Николай. Согласитесь, что мнѣ трудно въ день смерти брата заниматься дѣлами!

Захаръ. Но вѣдь вы были тамъ, на заводѣ!

Николай. Да, былъ. Слушалъ рѣчи . . . ну, чтожъ изъ этого?

Захаръ. Но, поймите, покойный, оказывается, отправилъ въ городъ телеграмму . . . онъ просилъ солдатъ. Отвѣтъ полученъ — солдаты придутъ завтра до полудня . . .

Генералъ. Ага! Солдаты? Вотъ это такъ! Солдаты — это не шутка! . .

Николай. Мѣра разумная . . .

Захаръ. Не знаю! Придутъ солдаты . . . настроеніе рабочихъ повысится . . . И Богъ знаетъ, что можетъ случиться, если не открыть заводъ! Мнѣ кажется, я поступилъ разумно . . . возможность кроваваго столкновенія теперь исчезла . . .

Николай. У меня сложился иной взглядъ на вопросъ . . . Вы не должны были уступать этимъ . . . людямъ, хотя-бы изъ уваженія къ памяти убитаго . . .

Захаръ. Ахъ, Боже мой . . . Но вы ничего не говорите о возможной трагедіи! . .

Николай. Это меня не касается.

Захаръ. Ну, да . . . но я-то? Вѣдь я долженъ буду жить съ рабочими! . . И, если прольется ихъ кровь . . . Наконецъ, они могли разбить весь заводъ!

Николай. Въ это я не вѣрю.

Генералъ. Я тоже.

Захаръ (подавленно). Итакъ, вы осуждаете меня?

Николай. Да, осуждаю!

Захаръ (искренно). Зачѣмъ . . . зачѣмъ вражда? Я вѣдь хочу одного — избѣжать ужаса, такъ возможнаго . . . я не хочу крови! Неужели неосуществимо мирное, разумное теченіе жизни? А вы смотрите на меня съ ненавистью . . . рабочіе съ недовѣріемъ . . . Я-же хочу добра . . . только добра!

Генералъ. Что такое — добро? Даже не слово, а буква . . . Глаголь, добро . . . А дѣлай дѣло . . . Какъ сказано, а?

Надя (со слезами). Молчи, дѣдъ . . . Дядя . . . успокойся . . . онъ не понимаетъ! . . Ахъ, Николай Васильевичъ, какъ вы не понимаете. Вы такой умный . . . почему вы не вѣрите дядѣ?

Николай. Я извиняюсь, Захаръ Ивановичъ, и ухожу. Я не могу, не привыкъ вести дѣловые разговоры съ участіемъ дѣтей . . . (Идетъ прочь.)

Захаръ. Вотъ, видишь, Надя . . .

Надя (беретъ его за руку). Это ничего, ничего . . . Знаешь, главное, чтобы рабочіе были довольны . . . ихъ такъ много, ихъ больше, чѣмъ насъ!

Захаръ. Подожди . . . я долженъ тебѣ сказать . . . я очень недоволенъ тобой, да!

Генералъ. Я тоже.

Захаръ. Ты симпатизируешь рабочимъ . . . это естественно въ твои годы . . . но не надо терять чувства мѣры, дорогая моя! Вотъ, ты привела къ столу

этого Грекова . . . я его знаю, онъ очень развитой парень . . . однако, тебѣ не слѣдовало изъ-за него устраивать тетѣ сцену.

Генералъ. Хорошенько ее!

Надя. Но вѣдь ты не знаешь какъ это было . . .

Захаръ. Я знаю больше тебя, повѣрь мнѣ! Народъ нашъ грубъ, онъ не культуренъ . . . и если протянуть ему палецъ, онъ хватаетъ всю руку . . .

Татьяна (негромко). Какъ утопающій соломинку.

Захаръ. Въ немъ, мой другъ, много животной жадности, и его нужно не баловать, а воспитывать . . . да! Ты, пожалуйста, подумай надъ этимъ . . .

Генералъ. А теперь я скажу. Ты обращаешься со мной чертъ знаетъ какъ, дѣвчонка! Напоминаю тебѣ, что ты моей ровесницей будешь лѣтъ черезъ сорокъ . . . тогда я, можетъ быть, позволю тебѣ говорить со мной, какъ съ равнымъ. Поняла? Конь!

Конь (за деревьями). Здѣсь!

Генералъ. Гдѣ этотъ . . . какъ его . . . штопоръ?

Конь. Какой штопоръ?

Генералъ. Этотъ . . . какъ его? Плоскій . . . Ползучій!

Конь. Пологій. Не знаю . . .

Генералъ (идетъ въ палатку). Найди! (Захаръ, опустивъ голову и вытирая платкомъ очки, ходитъ; Надя задумчиво сидитъ на стулѣ, Татьяна стоитъ наблюдая.)

Татьяна. Извѣстно кто убилъ?

Захаръ. Они говорятъ — не знаемъ, но — найдемъ . . . Конечно, они знаютъ . . . Я думаю . . . (оглядываясь понижаетъ голосъ) это коллективное рѣшеніе . . . заговоръ! Говоря правду, онъ раздражалъ ихъ, даже издѣвался надъ ними. Въ немъ была этакая болѣзненная особенность . . . онъ любилъ власть . . . И вотъ, они . . . ужасно это, ужасно своей простотой! Убили человѣка и смотрятъ такими ясными глазами . . . какъ-бы

совершенно не понимая своего преступленія . . . Такъ страшно просто! . .

Надя. Ты-бы сѣлъ . . . а?

Захаръ. Зачѣмъ онъ вызвалъ солдатъ? Они объ этомъ узнали . . . они все знаютъ! И это ускорило его смерть. Я, конечно, долженъ былъ открыть заводъ . . . въ противномъ случаѣ я надолго испортилъ-бы мои отношенія съ ними. Теперь такое время, когда къ нимъ необходимо относиться болѣе внимательно и мягко . . . и кто знаетъ, чѣмъ оно можетъ кончиться? Надо быть готовымъ ко многому . . . да! Въ такія эпохи разумный человѣкъ долженъ имѣть друзей въ массахъ . . . (Лѣвшинъ идетъ въ глубинѣ сцены.) Это кто идетъ?

Лѣвшинъ. Это мы ходимъ . . . охраняемъ . . .

Захаръ. Что, Ефимычъ, убили человѣка, а теперь вотъ стали ласковые, смирные, а?

Лѣвшинъ. Мы, Захаръ Ивановичъ, всегда такіе . . . мы — смирные . . .

Захаръ (внушительно). Да. И смиренно убиваете? . . Кстати, ты, Лѣвшинъ, что-то тамъ проповѣдуешь . . . какое-то новое ученіе — не нужно денегъ, не нужно хозяевъ и прочее . . . Ты бы, мой другъ, прекратилъ это! Изъ такихъ разговоровъ ничего хорошаго для тебя не будетъ. (Татьяна и Надя идутъ направо, гдѣ звучатъ голоса Синцова и Якова, изъ-за деревьевъ появляется Ягодинъ.)

Лѣвшинъ (спокойно). Да я что говорю? Пожилъ, подумалъ, ну, и говорю . . .

Захаръ. Хозяева — не всѣ звѣри, это надо понимать. Ты видишь — я не злой человѣкъ, я всегда готовъ помочь вамъ, я желаю добра . . .

Лѣвшинъ (вздохнувъ). Кто себѣ зла желаетъ?

Захаръ. Ты пойми — я вамъ, вамъ хочу добра!

Лѣвшинъ. Мы понимаемъ . . .

Захаръ (посмотрѣвъ на него). Нѣтъ, ты ошибаешься. Вы не понимаете. Странные вы люди! То — звѣри,

то — дѣти . . . (Идетъ прочь. Лѣвшинъ, опираясь руками на палку, смотритъ вслѣдъ ему.)

Ягодинъ. Опять проповѣдь читалъ?

Лѣвшинъ. Китаецъ . . . Совсѣмъ китаецъ! Что говоритъ? Вѣдь ничего, кромѣ себя, не можетъ понять . . .

Ягодинъ. Добра, говоритъ, хочу . . .

Лѣвшинъ. Вотъ . . .

Ягодинъ. Идемъ . . . а то вонъ они! . . (Идутъ въ глубину сцены. Справа Татьяна, Надя, Яковъ, Синцовъ.)

Надя. Кружимся мы всѣ, ходимъ . . . точно во снѣ.

Татьяна. Хотите закусить, Матвѣй Николаевичъ?

Синцовъ. Дайте лучше стаканъ чаю . . . Я сегодня говорилъ, говорилъ . . . даже горло болитъ! . .

Надя. Вы ничего не боитесь?

Синцовъ (садясь за столъ). Я? Ничего!

Надя. А мнѣ страшно! . . Вдругъ все какъ-то спуталось, и я ужъ и не понимаю . . . гдѣ хорошіе люди, гдѣ — дурные?

Синцовъ (улыбаясь). Распутается. Вы только не бойтесь думать . . . думайте безстрашно, до конца! . . Вообще — бояться нечего.

Татьяна. Вы полагаете — все успокоилось?

Синцовъ. Да. Рабочіе рѣдко побѣждаютъ, и даже маленькія побѣды даютъ имъ большое удовлетвореніе . . .

Надя. Вы ихъ любите?

Синцовъ. Это не то слово. Я съ ними долго жилъ, знаю ихъ, вижу ихъ силу . . . вѣрю въ ихъ разумъ . . .

Татьяна. И въ то, что имъ принадлежитъ будущее?

Синцовъ. И въ это!

Яковъ. Будущее . . . Вотъ штука, который я не могу себѣ представить.

Татьяна (усмѣхаясь). Они очень хитрые, эти ваши пролетаріи! Вотъ мы съ Надей пробовали говорить съ ними . . . вышло глупо . . .

Надя. Обидно. Старикъ говорилъ такъ, точно мы обѣ . . . какіе-то нехорошіе люди . . . шпіоны, что-ли? Тутъ есть другой . . . Грековъ . . . онъ иначе смотритъ на людей. А старикъ все улыбается . . . и такъ, точно ему жалко насъ . . . точно мы больные! . .

Татьяна. Не пей ты такъ много, Яковъ! Непріятно смотрѣть . . .

Яковъ. Чтожъ мнѣ дѣлать? Спрашиваю объ этомъ всѣхъ . . .

Синцовъ. Развѣ ужъ нечего?

Яковъ. Не хочется . . . Питаю отвращеніе . . . непобѣдимое отвращеніе къ дѣловитости и къ дѣламъ. Я, видите-ли, человѣкъ третьей группы . . .

Синцовъ. Какъ?

Яковъ. Такъ ужъ! Люди дѣлятся на три группы: одни — всю жизнь работаютъ, другіе — копятъ деньги, а третьи — не хотятъ работать для хлѣба — это-же безсмысленно! — и не могутъ копить деньги — это и глупо, и неловко какъ-то. Такъ вотъ я изъ третьей группы. Къ ней принадлежатъ всѣ лѣнтяи, бродяги, монахи, нищіе и другіе приживалы міра сего.

Надя. Скучно ты говоришь, дядя! И совсѣмъ ты не такой, а просто ты добрый и мягкій . . .

Яковъ. То — есть никуда не гожусь. Я это понялъ еще въ школѣ. Люди уже въ юности дѣлятся на три группы . . .

Татьяна. Надя вѣрно сказала, это скучно, Яковъ . . .

Яковъ. Согласенъ. Матвѣй Николаевичъ, какъ вы думаете, жизнь имѣетъ лицо?

Синцовъ. Можетъ быть.

Яковъ. Имѣетъ. Оно всегда — молодое. Не такъ давно жизнь смотрѣла на меня равнодушно, а теперь смотритъ строго и спрашиваетъ . . . спрашиваетъ: „вы кто такой? Вы куда идете, а?“ (Онъ испуганъ чѣмъ-то, хочетъ улыбнуться, но губы у него дрожатъ, не слушаются, лицо искажаетъ жалкая и страшная гримаса.)

Татьяна. Ты оставь это, пожалуйста, Яковъ! . . Вонъ прокуроръ гуляетъ . . . мнѣ-бы не хотѣлось, чтобы ты при немъ говорилъ.

Яковъ. Хорошо.

Надя (тихо). Всѣмъ грустно. Всѣ чего-то ждутъ . . . и боятся. Почему мнѣ запрещаютъ знакомиться съ рабочими? Это глупо!

Николай (подходитъ). Могу я попросить стаканъ чая?

Татьяна. Пожалуйста. (Нѣсколько секундъ всѣ сидятъ молча. Николай стоитъ, размѣшивая ложкой чай.)

Надя. Я хотѣла-бы понять — почему рабочіе не вѣрятъ дядѣ и вообще . . .

Николай (угрюмо). Они вѣрятъ только тѣмъ, которые обращаются къ нимъ съ рѣчами на тему — „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" . . въ это они вѣрятъ!

Надя (поводя плечами, тихо). Когда я слышу эти слова . . . этотъ всемірный созывъ . . . мнѣ кажется, что всѣ мы на землѣ — лишніе . . .

Николай (возбуждаясь). Конечно! Такъ долженъ себя чувствовать каждый культурный человѣкъ . . . И скоро, я увѣренъ, на землѣ раздастся другой кличъ: „Культурные люди всѣхъ странъ, соединяйтесь!" Пора кричать это, пора! Идетъ варваръ, чтобы растоптать плоды тысячелѣтнихъ трудовъ человѣчества. Онъ идетъ, движимый жадностью . . .

Яковъ. А душа у него въ животѣ . . . въ голодномъ животѣ! Картина, возбуждающая жажду. (Наливаетъ себѣ пива.)

Николай. Идетъ толпа, движимая жадностью, организованная единствомъ своего желанія — жрать!

Татьяна (задумчиво). Толпа . . . Всюду толпа, въ театрѣ, въ церкви . . . Я не понимаю жизни . . . но тутъ что-то не такъ!

Николай. Такъ! Что могутъ внести съ собой эти люди? Ничего, кромѣ разрушенія . . . И, замѣтьте, у насъ это разрушеніе будетъ ужаснѣе, чѣмъ гдѣ-либо . . .

Татьяна. Когда я слышу о рабочихъ, какъ о передовыхъ людяхъ . . . мнѣ это странно! Это далеко отъ моего пониманія . . .

Николай. А вы, господинъ Синцовъ . . . вы, конечно, не согласны съ нами? . .

Синцовъ (спокойно). Нѣтъ.

Надя. Помнишь, тетя Таня, старикъ говорилъ о копѣйкѣ? Это ужасно просто . . .

Николай. Почему-же вы несогласны, господинъ Синцовъ?

Синцовъ. Иначе думаю.

Николай. Вполнѣ резонный отвѣтъ! Но, быть можетъ, вы подѣлитесь съ нами вашими взглядами?

Синцовъ. Нѣтъ, мнѣ не хочется.

Николай. Крайне сожалѣю! Утѣшаюсь надеждой, что когда мы встрѣтимся съ вами еще разъ, ваше настроеніе измѣнится. Яковъ Ивановичъ, если можно, я попрошу васъ . . . проводите меня. Я . . . до такой степени разстроилъ нервы . . .

Яковъ (вставая съ трудомъ). Пожалуйста. Пожалуйста . . . (Идутъ.)

Татьяна. Этотъ прокуроръ — противная фигура. Мнѣ непріятно соглашаться съ нимъ.

Надя (встала). Почему-же ты соглашаешься?

Синцовъ (усмѣхаясь). Почему, Татьяна Павловна?

Татьяна. Я сама чувствую такъ-же . . .

Надя (ходитъ). Онъ давеча обидѣлъ меня и хоть-бы извинился . . .

Синцовъ (Татьянѣ). Вы думаете такъ, но чувствуете иначе, чѣмъ онъ. Вы хотите понять, онъ объ этомъ не заботится . . . ему понимать не нужно!

Татьяна. Онъ мнѣ жалокъ почему-то. Вѣроятно, онъ очень жестокъ.

Синцовъ. Да. Тамъ, въ городѣ, онъ ведетъ политическія дѣла и отвратительно относится къ арестованнымъ.

Татьяна. Кстати, онъ что-то записывалъ себѣ въ книжку о васъ . . .

Синцовъ (съ улыбкой). Вѣроятно, записывалъ. Бесѣдуетъ съ Пологимъ . . . вообще — работаетъ! . . Татьяна Павловна . . . у меня къ вамъ есть просьба . . .

Татьяна. Пожалуйста . . . повѣрьте, если я могу, я сдѣлаю съ удовольствіемъ!

Синцовъ. Спасибо. Вѣроятно, вызваны жандармы . . .

Татьяна. Да, вызваны.

Синцовъ. Разумѣется! Значитъ, будутъ обыски . . . Вы не поможете мнѣ кое-что спрятать?

Татьяна. Вы думаете, у васъ будетъ обыскъ?

Синцовъ. Навѣрное.

Татьяна. И могутъ арестовать?

Синцовъ. Не думаю. За что? Говорилъ рѣчи? Но Захаръ Ивановичъ знаетъ, что я въ этихъ рѣчахъ призывалъ рабочихъ къ порядку . . .

Татьяна. А въ прошломъ у васъ . . . ничего?

Синцовъ. У меня нѣтъ прошлаго . . . Такъ вотъ, поможете вы мнѣ? Я не безпокоилъ-бы васъ . . . но, я думаю, что всѣ, кто могъ-бы спрятать эти вещи, завтра будутъ обысканы. За этотъ день страсти такъ сильно разыгрались, что всѣ разумные люди должны были выступать впередъ, угашая ихъ . . . (Смѣется тихонько.)

Татьяна (смущена). Я буду говорить открыто . . . Мое положеніе въ домѣ не позволяетъ мнѣ смотрѣть на комнату, отведенную мнѣ, какъ на мою . . .

Синцовъ. Не можете, значитъ. Ну, чтожъ . . .

Татьяна. Не обижайтесь на меня! . .

Синцовъ. О, нѣтъ! . . Вашъ отказъ . . . понятенъ . . .

Татьяна. Но, подождите, я поговорю съ Надей . . . (Идетъ. Синцовъ барабанитъ пальцами по столу, глядя вслѣдъ ей. Слышны осторожные шаги.)

Синцовъ (тихо). Кто это?

Грековъ. Я. Вы одни?

Синцовъ. Да. Тамъ ходятъ люди . . . Что на заводѣ?

Грековъ (усмѣхаясь). Противно! Очень. Вы знаете, они рѣшили найти стрѣлявшаго. Теперь тамъ производятъ слѣдствіе. Нѣкоторые кричатъ: „Соціалисты убили!“ Вообще, запѣла шкура свою скверную пѣсню.

Синцовъ. Вы знаете кто?

Грековъ. Якимовъ.

Синцовъ. Неужели? Ахъ . . . не ожидалъ! Такой славный, разумный парень . . . это странно!

Грековъ. Горячъ онъ. Хочетъ заявить . . . У него жена, ребенокъ . . . Ждутъ другого . . . Сейчасъ я говорилъ съ Лѣвшинымъ. Онъ, конечно, сочиняетъ фантазіи, надо, говоритъ, подмѣнить Якимова кѣмъ-нибудь помельче . . .

Синцовъ. Чудакъ . . . Но какъ это грустно и досадно! (Пауза.) Вотъ что, Грековъ, зарывайте все въ землю . . . Спрятать негдѣ.

Грековъ. Я нашелъ мѣсто. Телеграфистъ согласился все взять. Вамъ бы, Матвѣй Николаевичъ, уйти отсюда? . .

Синцовъ. Нѣтъ, я не уйду . .

Грековъ. Арестуютъ васъ . . .

Синцовъ. Ну, чтожъ! А если я уйду — это произведетъ скверное впечатлѣніе на рабочихъ. Ясно, что лучше . . .

Грековъ. Это такъ . . . Но жалко васъ . . .

Синцовъ. А мнѣ вотъ Якимова жалко.

Грековъ. Да. И ничѣмъ не поможешь! . . Хочетъ заявить . . . Ну, до свиданія! . . А смѣшно на васъ

смотрѣть въ роли начальника охраны хозяйской собственности!

Синцовъ (улыбаясь). Что подѣлаешь? Команда моя, кажется, спитъ?

Грековъ. Нѣтъ. Собрались кучками, разсуждаютъ. Хорошая ночь! Ну, пока до свиданія!

Синцовъ. Я-бы тоже ушелъ отсюда . . . да, вотъ, жду . . . Васъ, навѣрное, тоже арестуютъ.

Грековъ. Посидимъ! . . Иду. (Уходитъ.)

Синцовъ. До свиданія! (Татьяна идетъ.) Не трудитесь, Татьяна Павловна, все устроилось. До свиданія!

Татьяна. Мнѣ, право, очень грустно . . .

Синцовъ. Доброй ночи! (Уходитъ. Татьяна тихо шагаетъ, глядя на носки своихъ сапогъ. Идетъ Яковъ.)

Яковъ. Почему ты не идешь спать?

Татьяна. Не хочу. Я думаю уѣхать отсюда . . .

Яковъ. Да. А вотъ мнѣ некуда ѣхать . . . я проѣхалъ уже мимо всѣхъ континентовъ и острововъ.

Татьяна. Здѣсь тяжело. Все качается и странно кружитъ голову. Приходится лгать, а я этого не люблю.

Яковъ. Гм . . . Ты этого не любишь . . . къ сожалѣнію для меня . . . къ сожалѣнію . . .

Татьяна (говоритъ сама себѣ). Но сейчасъ я солгала. Зачѣмъ? Я же сама предложила поговорить съ Надей . . . Она, конечно, согласилась бы спрятать эти вещи . . . но я не имѣю права толкать ее на такую дорогу. Они не очень церемонятся съ людьми . . .

Яковъ. О комъ ты говоришь?

Татьяна. Я? О Синцовѣ . . . Какъ это странно все . . . еще недавно жизнь была ясна, желанія опредѣленны . . .

Яковъ (тихо). Талантливые пьяницы, красивые бездѣльники и прочіе веселыхъ спеціальностей люди . . . увы, перестали обращать на себя вниманіе! . . Пока мы стояли внѣ скучной суеты — нами любовались . . . Но

суета становится все болѣе драматической . . . Кто-то кричитъ: эй, комики и забавники, прочь со сцены! . . Но сцена — это уже твоя область, Таня . . .

Татьяна (безпокойно). Моя область? . . Я думала, что я стою на сценѣ твердо . . . что могу вырости высоко . . . (Съ тоской и силой.) Мнѣ тяжело, мнѣ неловко передъ людьми, которые смотрятъ на меня холодными глазами и молча говорятъ: „Мы это знаемъ. Это старо и скучно намъ!“ Я чувствую себя слабой, безоружной передъ ними . . . я не могу взять ихъ, не могу возбудить! . . Я хочу дрожать отъ страха, отъ радости, я хочу говорить слова, полныя огня, страсти, гнѣва . . . слова, острыя, какъ ножи . . . Горящія точно факелы, я хочу бросить ихъ людямъ множество . . . бросить щедро, страшно! . . Пусть люди вспыхнутъ, закричатъ, бросятся бѣжать . . . Я останавливаю ихъ . . . и снова бросаю имъ слова, прекрасныя, какъ цвѣты . . . полныя надежды, радости, любви! . . Всѣ плачутъ . . . и я тоже . . . такими хорошими слезами плачу! . . Мнѣ апплодируютъ, цвѣты меня душатъ . . . меня несутъ на рукахъ . . . На минуту я владыка людей . . . въ этой минутѣ жизнь . . . вся жизнь въ одной минутѣ!

Яковъ. Да, я это знаю . . . Мы всѣ умѣемъ жить только минутами . . .

Татьяна. Все лучшее всегда въ одной минутѣ . . . Какъ хочется другихъ людей . . . болѣе отзывчивыхъ, менѣе осторожныхъ! . . Другой жизни — не такой суетливой . . . жизни, въ которой искусство было-бы всегда необходимо . . . всѣмъ и всегда . . . Чтобы я не была лишней . . . (Яковъ смотритъ во тьму широко открытыми глазами.) Что съ тобой? Зачѣмъ ты такъ пьешь? Это убило тебя . . . Ты былъ красивъ . . . былъ красивъ изнутри . . .

Яковъ. Оставь . . .

Татьяна. Ты чувствуешь, какъ мнѣ тяжело?

Яковъ (съ ужасомъ). Какъ-бы я не былъ пьянъ — я все понимаю . . . вотъ несчастіе! Мозгъ съ проклятой настойчивостью работаетъ, работаетъ . . . всегда! И передо мною — морда, широкая, неумытая морда съ огромными глазами, которые спрашиваютъ: „ну?" Понимаешь, она спрашиваетъ только одно слово — „ну?"

Полина (бѣжитъ). Таня! . . Таня, прошу тебя, иди туда . . . Эта Клеопатра . . . она сошла съ ума! Она всѣхъ оскорбляетъ . . . Ты, можетъ быть, успокоишь ее!

Татьяна (тоскливо). Ахъ, да отстаньте вы отъ меня съ вашими дрязгами! . . Съѣшьте скорѣе другъ друга, но не мечитесь, не путайтесь подъ ногами у людей!

Полина (испугалась). Таня . . . Что ты? Что съ тобой?

Татьяна. Я васъ не понимаю! Чего вамъ нужно? Чего вы хотите? Что безпокоитъ васъ?

Полина. Да ты пойди, посмотри на нее . . . она идетъ сюда!

Захаръ (его еще не видно). Я васъ прошу . . . замолчите, наконецъ!

Клеопатра (также). Вы . . . это вы должны молчать передо мной! . .

Полина. Она будетъ кричать здѣсь . . . тутъ ходятъ мужики, это ужасно! Таня, я прошу тебя . . .

Захаръ (идетъ). Послушайте . . . я, кажется, съ ума сойду!

Клеопатра (идетъ за нимъ). Вы отъ меня не убѣжите . . . я васъ заставлю выслушать меня! . . А, вы заигрывали съ рабочими, вамъ нужно ихъ уваженіе . . . и вы бросаете имъ жизнь человѣка, точно кусокъ мяса злымъ собакамъ! Вы гуманисты за чужой счетъ, за чужую кровь . . .

Захаръ. Что она говоритъ?

Клеопатра. Правду, предатели! . .

Яковъ (Татьянѣ). Ну, я этого не люблю. (Уходитъ.)

Полина. Сударыня! Мы порядочные люди и не можемъ позволить кричать на насъ женщинѣ съ такой репутаціей . . .

Захаръ (испуганно). Молчи, Полина . . . ради Бога!

Клеопатра. Почему вы порядочные люди? Потому что болтаете о политикѣ? О несчастіяхъ народа? Прогрессѣ и гуманности, да?

Татьяна. Клеопатра Петровна . . . довольно!

Клеопатра. Я не говорю съ вами, нѣтъ! Вы здѣсь лишняя, это не ваше дѣло! . . Мой мужъ былъ честный человѣкъ . . . прямой и честный . . . Онъ зналъ народъ лучше васъ . . . Онъ не болталъ, какъ вы . . . А вы вашими подлыми глупостями предали, убили его! . .

Татьяна (Полинѣ и Захару). Да уйдите вы!

Клеопатра. Я сама уйду! . . . Вы ненавистны мнѣ . . . всѣ ненавистны! (Уходитъ.)

Захаръ. Вотъ, бѣшеная баба . . . а?

Полина (со слезами). Нужно бросить все . . . нужно уѣхать! Такъ оскорблять людей! . .

Захаръ. И почему она такъ? . . Если-бы она любила мужа, жила съ нимъ въ мирѣ . . . А то, мѣняетъ каждый годъ по два любовника . . . и въ то-же время кричитъ!

Полина. Нужно продать заводъ!

Захаръ (съ досадой). Бросить, продать . . . это не такъ, не то! Надо подумать, надо хорошенько подумать! . . Вотъ я сейчасъ говорилъ съ Николаемъ Васильевичемъ . . . эта баба ворвалась и помѣшала намъ . . .

Полина. Онъ ненавидитъ насъ, Николай Васильевичъ . . . онъ золъ!

Захаръ (успокаиваясь). Онъ слишкомъ озлобленъ и потрясенъ, но онъ умный человѣкъ, и у него нѣтъ причинъ ненавидѣть насъ. Его связываютъ со мной теперь, послѣ смерти Михаила, вполнѣ реальные интересы . . . да!

Полина. Я ему не вѣрю, я боюсь его . . . онъ тебя обманетъ!

Захаръ. Ахъ, Полина, это все пустяки! . . Онъ очень разумно судитъ . . . да! Каждая высота, говоритъ онъ, открываетъ строго опредѣленный горизонтъ . . . Гм . . . да! Это — ясно! И если я, желая видѣть больше, чѣмъ это физически возможно, буду тянуться выше . . . я упаду или буду смѣшонъ . . . Здѣсь есть правда! . . Дѣло въ томъ, что въ моихъ отношеніяхъ съ рабочими я выбралъ шаткую позицію . . . въ этомъ надо сознаться. Вечеромъ, когда я говорилъ съ ними . . . о, Полина, эти люди слишкомъ враждебно настроены, они слишкомъ остро смотрятъ . . .

Полина. Я говорила тебѣ . . . говорила! Они всегда — враги! (Татьяна идетъ прочь и тихо смѣется. Полина глядитъ на нее и, нарочно повышая голосъ, продолжаетъ.) Намъ всѣ враги! Всѣ завидуютъ . . . и потому бросаются на насъ! . .

Захаръ (быстро ходитъ). Ну, да . . . отчасти такъ, конечно! Николай Васильевичъ говоритъ: не борьба классовъ, а борьба расъ . . . бѣлой и черной! . . Это, разумѣется, грубо, это натяжка . . . но, если подумать, что мы, культурные люди, мы создали науки, искусства и прочее . . . Равенство . . . физіологическое равенство . . . гм . . . да! Хорошо. Но, сначала, будьте людьми . . . пріобщитесь культурѣ . . . потомъ будемъ говорить о равенствѣ! . .

Полина (вслушиваясь). Я не понимаю, что ты говоришь! . . Это новое у тебя . . .

Захаръ. Все это схематично, недодумано . . . это напоръ мыслей . . . но въ этомъ есть нѣчто цѣнное! Надо понять себя, вотъ въ чемъ дѣло! . .

Полина (беретъ его за руку). Ты слишкомъ мягокъ, мой другъ, вотъ отчего тебѣ такъ трудно!

Захаръ. Мы мало знаемъ и часто удивляемся . . . Вотъ, напримѣръ, Синцовъ — онъ удивилъ меня, рас-

положилъ меня къ себѣ . . . такая простота, такая ясная логика! . . Оказывается — онъ соціалистъ, вотъ откуда простота и логика . . .

Полина. Да, да . . . онъ обращаетъ на себя вниманіе . . . такое непріятное лицо! . . Но ты отдохнулъ бы . . . пойдемъ, а?

Захаръ (идетъ за ней). И еще одинъ рабочій, Грековъ . . . ужасно заносчивъ! Сейчасъ намъ съ Николаемъ Васильевичемъ вспомнилась его рѣчь . . . Мальчишка . . . но такъ говоритъ . . . съ такимъ нахальствомъ . . . (Ушли. Тишина. Гдѣ-то поютъ пѣсню. Потомъ раздаются тихіе голоса. Появляются Ягодинъ, Лѣвшинъ и Рябцовъ, молодой парень. Онъ часто встряхиваетъ головой, лицо добродушное, круглое. Всѣ трое останавливаются у деревьевъ.)

Лѣвшинъ (тихо, таинственно). Тутъ, Пашокъ, дѣло товарищеское.

Рябцовъ. Знаю я . . .

Лѣвшинъ. Дѣло общее, человѣческое . . . Теперь, братъ, всякая хорошая душа большую цѣну имѣетъ. Поднимается народъ разумомъ, слушаетъ, читаетъ, думаетъ . . . Люди, которые кое-что поняли — дороги . . .

Ягодинъ. Это вѣрно, Пашокъ . . .

Рябцовъ. Знаю . . . Чего-же? Я пойду.

Лѣвшинъ. Зря никуда идти не надо, надо понять . . . Ты молодой, а это каторга . . .

Рябцовъ. Ничего. Я убѣгу . . .

Ягодинъ. Можетъ и не каторга! Для каторги тебѣ, Пашокъ, года не вышли.

Лѣвшинъ. Будемъ говорить — каторга! Въ этомъ дѣлѣ — страшнѣе — лучше. Ежели человѣкъ и каторги не боится, значитъ, рѣшилъ твердо!

Рябцовъ. Я рѣшилъ.

Ягодинъ. Погоди. Подумай . . .

Рябцовъ. Чего-же думать? Убили, такъ кто-нибудь долженъ терпѣть за это . . .

Лѣвшинъ. Вѣрно! Долженъ. Мы по чести — вашего вышибли, нашимъ платимъ! А ежели одному не пойти — многихъ потревожатъ. Потревожатъ лучшихъ, которые дороже тебя, Пашокъ, для товарищескаго дѣла.

Рябцовъ. Да вѣдь я ничего не говорю. Хоть молодой, а я понимаю, намъ надо цѣпью . . . крѣпче другъ за друга . . .

Лѣвшинъ (вздохнувъ). Вѣрно. Мы, братъ, одни на землѣ . . .

Ягодинъ (улыбаясь). Соединимся, окружимъ, тиснемъ и готово.

Рябцовъ. Ладно. Я ужъ кончилъ это. Чего-же? Я одинъ, мнѣ и слѣдуетъ. Только противно, что за такую кровь . . .

Лѣвшинъ. За товарищей, а не за кровь.

Рябцовъ. Нѣтъ, я про то, что человѣкъ онъ былъ ненавистный . . . Злой очень . . .

Лѣвшинъ. Злого и убить. Добрый самъ помретъ, онъ людямъ не помѣха.

Рябцовъ. Ну, все?

Ягодинъ. Все, Пашокъ! Такъ, значитъ, завтра утромъ скажешь?

Рябцовъ. Да чего-же до завтра-то? Я говорю — я иду.

Лѣвшинъ. Нѣтъ, ты лучше завтра скажи! Ночь, какъ мать, она добрая совѣтчица . . .

Рябцовъ. Ну, ладно . . . Я пойду теперь?

Лѣвшинъ. Съ Богомъ!

Ягодинъ. Иди, братъ, иди твердо . . . (Рябцовъ уходитъ не спѣша. Ягодинъ вертитъ палку въ рукахъ, разсматривая ее. Лѣвшинъ смотритъ въ небо.)

Лѣвшинъ (тихо). Хорошій народъ рости началъ, Тимофѣй!

Ягодинъ. По погодѣ и чеснокъ . . .

Лѣвшинъ. Этакъ-то пойдетъ, выправимся мы.

Ягодинъ (грустно). Жалко парня-то.

Лѣвшинъ (тихо). Какъ не жалко? И мнѣ жалко. Душа милая такая, а вотъ иди-ка въ тюрьму, да еще по нехорошему дѣлу. Одно ему утѣшеніе — за товарищей пропалъ.

Ягодинъ. Да-а . . . Жалко . . .

Лѣвшинъ. Ты . . . молчи ужъ! . . Эхъ, напрасно Андрей курокъ спустилъ! Что сдѣлаешь убійствомъ? Ничего не сдѣлаешь! Одного пса убить — хозяину другого купить . . . вотъ и вся сказка.

Ягодинъ (грустно). Сколько нашего брата погибаетъ . . .

Лѣвшинъ. Идемъ, караульный, хозяйское добро сторожить! (Идутъ.) О, Господи! . .

Ягодинъ. Чего ты?

Лѣвшинъ. Тяжело! Скорѣе-бы распутать жизнь-то! . .

ЗАНАВѢСЪ.

III.

Большая комната въ домѣ Бардиныхъ. Въ задней стѣнѣ четыре окна и дверь, выходящія на террасу, за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочихъ, среди нихъ Лѣвшинъ, Грековъ. Комната имѣетъ нежилой видъ, мебели мало, она стара, разнообразна, на стѣнахъ отклеились обои. У правой стѣны поставленъ большой столъ. Конь сердито двигаетъ стульями, разставляя ихъ вокругъ стола. Аграфена мететъ полъ. Въ лѣвой стѣнѣ большая, двухстворчатая дверь; въ правой тоже.

Аграфена. На меня сердиться не за что . . .

Конь. Я не сержусь. Мнѣ наплевать на всѣхъ... Я, слава Богу, умру скоро . . . У меня ужъ сердце останавливается.

Аграфена. Всѣ умремъ . . . хвастаться нечѣмъ . . .

Конь. Будетъ ужъ . . . омерзѣло все! Въ шестьдесятъ пять лѣтъ пакости какъ орѣхи . . . зубовъ у меня нѣтъ заниматься ими . . . Нахватали народу . . . мочатъ его на дождѣ . . . (Изъ лѣвой двери выходятъ ротмистръ Furthermore Бобоѣдовъ и Николай.)

Бобоѣдовъ (весело). Вотъ и залъ засѣданія, чудесно! Такъ, значитъ, вы при исполненіи служебныхъ обязанностей?

Николай. Да, да! Конь, позовите вахмистра!

Бобоѣдовъ. И мы подаемъ это блюдо такъ: въ центрѣ этотъ . . . какъ его?

Николай. Синцовъ.

Бобоѣдовъ. Синцовъ . . . трогательно! А вокругъ него — пролетаріи всѣхъ странъ? . . Такъ! Это радуетъ душу . . . А милый человѣкъ здѣшній хозяинъ . . .

очень! У насъ о немъ думали хуже. Свояченицу его я знаю — она играла въ Воронежѣ . . . превосходная актриса, долженъ сказать! (Квачъ входитъ съ террасы.) Ну, что, Квачъ?

Квачъ. Всѣхъ обыскали, ваше благородіе!

Бобоѣдовъ. Да. Ну, и что-же?

Квачъ. Да у нѣкоторыхъ оказалось, а у нѣкоторыхъ ничего не оказалось . . . спрятали! Докладываю: становой очень торопится, ваше благородіе, и невнимателенъ къ занятіямъ.

Бобоѣдовъ. Ну, конечно, полиція всегда такъ! У арестованныхъ нашли что-нибудь?

Квачъ. У Лѣвшина за образами оказалось.

Бобоѣдовъ. Принеси все въ мою комнату.

Квачъ. Слушаю! Молодой жандармъ, ваше благородіе, который недавній, изъ драгунъ который . . .

Бобоѣдовъ. Что такое?

Квачъ. Тоже невнимателенъ къ занятіямъ.

Бобоѣдовъ. Ну, ужъ ты самъ съ нимъ справляйся! Иди! (Квачъ уходитъ.) Вотъ, знаете, птица, этотъ Квачъ! Съ виду такъ себѣ и даже, какъ-будто, глупъ, а нюхъ — собачій!

Николай. Вы, Богданъ Денисовичъ, обратите вниманіе на этого конторщика . . .

Бобоѣдовъ. Какъ-же, какъ-же! Мы его прижмемъ!

Николай. Я говорю о Пологомъ, а не о Синцовѣ. Онъ, мнѣ кажется, вообще можетъ быть полезенъ.

Бобоѣдовъ. А, этотъ нашъ собесѣдникъ! Ну, разумѣется, мы его пристроимъ . . . (Николай идетъ къ столу и аккуратно раскладываетъ на немъ бумаги.)

Клеопатра (въ дверяхъ направо). Ротмистръ, хотите еще чаю?

Бобоѣдовъ. Благодарю васъ, пожалуйста! Красиво здѣсь . . . очень! Чудная мѣстность! . . А вѣдь я госпожу Луговую знаю! Какъ-же, она въ Воронежѣ играла?

Клеопатра. Да, кажется, играла . . . Ну, а что ваши обыски, нашли вы что-нибудь?

Бобоѣдовъ (любезно). Все, все нашли! Мы найдемъ, не безпокойтесь! Для насъ даже тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, всегда что-нибудь есть . . .

Клеопатра. Я очень рада . . . очень! Покойникъ смотрѣлъ легко на всѣ эти прокламаціи . . . онъ говорилъ, что бумага не дѣлаетъ революціи . . .

Бобоѣдовъ. Гм . . . Это не совсѣмъ вѣрно!

Клеопатра. И называлъ прокламаціи — предписанія, исходящія изъ тайной канцеляріи явныхъ идіотовъ къ дуракамъ.

Бобоѣдовъ. Это мѣтко . . . хотя, тоже невѣрно!

Клеопатра. Но вотъ они отъ бумажекъ перешли къ дѣлу . . .

Бобоѣдовъ. Вы будьте увѣрены, что они понесутъ строжайшее наказаніе, строжайшее!

Клеопатра. Это меня очень утѣшаетъ. При васъ мнѣ сразу стало какъ-то легче . . . свободнѣе!

Бобоѣдовъ. Наша обязанность вносить въ общество бодрость . . .

Клеопатра. И такъ отрадно видѣть довольнаго, здороваго человѣка . . . вѣдь это рѣдкость!

Бобоѣдовъ. О, у насъ, въ корпусѣ жандармовъ, мужчины на подборъ!

Клеопатра. Пойдемте-же къ столу!

Бобоѣдовъ (идетъ). Съ удовольствіемъ. А, скажите, въ этотъ сезонъ гдѣ будетъ играть госпожа Луговая? (Съ террасы входятъ Татьяна и Надя.)

Надя (взволнованно). Ты видѣла, какъ посмотрѣлъ на насъ старикъ . . . Ефимычъ?

Татьяна. Видѣла . . .

Надя. Какъ это все нехорошо . . . какъ стыдно! Николай Васильевичъ, зачѣмъ это? За что ихъ арестовали?

Николай (сухо). Причинъ для арестовъ болѣе, чѣмъ достаточно . . . вы не безпокойтесь! И, попрошу васъ, не ходите черезъ террасу, пока тамъ эти . . .

Надя. Не будемъ . . . не будемъ.

Татьяна (смотритъ на Николая). И Синцовъ арестованъ?

Николай. И господинъ Синцовъ арестованъ.

Надя (ходитъ по комнатѣ). Семнадцать человѣкъ! Тамъ, у воротъ плачутъ жены . . . а солдаты толкаютъ ихъ, смѣются! Скажите солдатамъ, чтобы они хоть вели себя прилично!

Николай. Это меня не касается. Солдатами командуетъ поручикъ Стрепетовъ.

Надя. Пойду, попрошу его . . . (Уходитъ въ дверь направо. Татьяна улыбаясь подошла къ столу.)

Татьяна. Послушайте, кладбище законовъ, какъ васъ называетъ генералъ . . .

Николай. Генералъ не кажется мнѣ остроумнымъ человѣкомъ. Я-бы не повторялъ его остротъ.

Татьяна. Я ошиблась, онъ называетъ васъ — гробъ законовъ. Васъ это сердитъ?

Николай. Просто я не расположенъ шутить.

Татьяна. Будто вы такой серьезный? . .

Николай. Напомню вамъ — вчера убили моего брата.

Татьяна. Да вамъ-то что до этого?

Николай. Позвольте . . . какъ?

Татьяна (усмѣхаясь). Не надо никакихъ ужимокъ! Вамъ не жалко брата . . . Дайте мнѣ руку и будемъ ходить . . . такъ. Вамъ никого не жалко . . . вотъ, какъ мнѣ, напримѣръ. Смерть, т. е. неожиданность смерти, на всѣхъ скверно дѣйствуетъ . . . но, увѣряю васъ, вамъ ни одной минуты не было жалко брата настоящей, человѣческой жалостью . . . нѣтъ ея у васъ!

Николай (съ усиліемъ). Это итересно. Но, что вы хотите отъ меня?

Татьяна. Вы не замѣчаете, что мы съ вами родственныя души? Нѣтъ? Напрасно. Я актриса, человѣкъ холодный, желающій всегда только одного — играть хорошую роль. Вы тоже хотите играть хорошую роль и тоже бездушное существо. Скажите, вамъ хочется быть прокуроромъ, а?

Николай (негромко). Я хочу, чтобы вы кончили это . . .

Татьяна (помолчавъ, смѣется). Нѣтъ, я не способна къ дипломатіи. Я шла къ вамъ съ цѣлью . . . я хотѣла быть любезной съ вами, обворожительной . . . Но увидала васъ и начала говорить дерзости . . . вы всегда вызываете у меня желаніе наговорить вамъ обидныхъ словъ . . . ходите вы или сидите, говорите или молча осуждаете людей . . . Да, я хотѣла васъ просить . . .

Николай (усмѣхаясь). Догадываюсь о чемъ!

Татьяна. Можетъ быть. Но теперь это уже безполезно, да?

Николай. Теперь и раньше — все равно. Господинъ Синцовъ скомпрометированъ очень сильно.

Татьяна. Вы чувствуете маленькое удовольствіе, говоря мнѣ это? Такъ?

Николай. Да . . . не скрою.

Татьяна (вздохнувъ). Вотъ, видите, какъ мы похожи другъ на друга. Я тоже очень мелочная и злая . . . Скажите, Синцовъ всецѣло въ вашихъ рукахъ . . . именнно въ вашихъ?

Николай. Конечно!

Татьяна. А если я попрошу васъ оставить его?

Николай. Это не будетъ имѣть успѣха.

Татьяна. Даже если я очень попрошу васъ?

Николай. Все равно . . . Удивляюсь вамъ!

Татьяна. Да? Почему?

Николай. Вы красавица . . . женщина несомнѣнно оригинальнаго склада ума . . . у васъ чувствуется характеръ. Вы имѣете десятки возможностей устроить свою жизнь роскошно, красиво . . . и занимаетесь ка-

кимъ-то ничтожествомъ! Эксцентричность — болѣзнь. И всякаго интеллигентнаго человѣка вы должны возмущать . . . Кто цѣнитъ женщину, кто любитъ красоту, тотъ не проститъ вамъ подобныхъ выходокъ!

Татьяна (смотритъ на него съ любопытствомъ.) Итакъ, я осуждена . . . увы! Синцовъ тоже?

Николай. Вечеромъ этотъ господинъ поѣдетъ въ тюрьму.

Татьяна. Рѣшено?

Николай. Да.

Татьяна. Никакихъ уступокъ изъ любезности къ дамѣ? Не вѣрю! Если-бъ я сильно захотѣла, вы отпустили-бы Синцова . . .

Николай (глухо). Попробуйте захотѣть . . . попробуйте.

Татьяна. Не могу. Не умѣю . . . Но, всетаки, скажите правду, — сказать однажды правду, это не трудно! — Вы отпустили-бы?

Николай (не сразу). Не знаю . . .

Татьяна. А я знаю! (Помолчавъ, вздохнула.) Какія мы съ вами оба дряни . . .

Николай. Однако, есть вещи, которыя нельзя прощать и женщинѣ!

Татьяна (небрежно). Ну, что тамъ? Мы одни . . . никто насъ не слышитъ. Вѣдь я имѣю право сказать вамъ и себѣ, что оба мы . . .

Николай. Прошу васъ . . . я не хочу болѣе слушать . . .

Татьяна (настойчиво спокойно). А, всетаки, вы цѣните эти ваши принципы ниже поцѣлуя женщины!

Николай. Я уже сказалъ, что не хочу васъ слушать.

Татьяна (спокойно). Такъ уйдите. Развѣ я васъ держу? (Онъ быстро уходитъ. Татьяна кутается въ шаль, стоитъ среди комнаты и смотритъ на террасу. Изъ двери съ правой стороны идутъ Надя и Поручикъ.)

Поручикъ. Солдатъ никогда не обижаетъ женщину, даю вамъ честное слово! Женщина для него — святыня . . .

Надя. Вотъ, вы увидите . . .

Поручикъ. Это невозможно! Только въ арміи еще сохранилось рыцарское отношеніе къ женщинѣ . . . (Проходятъ въ дверь налѣво. Идутъ Полина, Захаръ и Яковъ.)

Захаръ. Видишь-ли Яковъ . . .

Полина. Вы подумайте, какъ-же иначе?

Захаръ. Тутъ реальность, необходимость . . .

Татьяна. Что такое?

Яковъ. Вотъ, отпѣваютъ меня . . .

Полина. Удивительная жесткость! Всѣ нападаютъ на насъ! И даже Яковъ Ивановичъ, всегда такой мягкій . . . Но, развѣ мы вызывали солдатъ? И никто не приглашалъ жандармовъ. Они всегда сами являются.

Захаръ. Обвинять меня за эти аресты . . .

Яковъ. Я не обвиняю . . .

Захаръ. Ты не говоришь прямо, но я чувствую . . .

Яковъ (Татьянѣ). Я сижу, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ — „что, братъ?" А я сказалъ — „противно, братъ!" . . Вотъ и все!

Захаръ. Но надо-же понять, что пропаганда соціализма въ такой формѣ, какъ это дѣлается у насъ, нигдѣ невозможна, нигдѣ недопустима . . .

Полина. Занимайтесь политикой, это всѣмъ нужно, но при чемъ тутъ соціализмъ? Вотъ, что говоритъ Захаръ. И онъ правъ!

Яковъ (угрюмо). Какой-же соціалистъ старикъ Лѣвшинъ? Просто онъ заработался и бредитъ . . . отъ усталости . . .

Захаръ. Они всѣ бредятъ!

Полина. Надо щадить людей, господа! Мы такъ измучены!

Захаръ. Ты думаешь — мнѣ не тяжело, что вотъ у меня въ домѣ устраивается судилище? Но все это — затѣи

Николая Васильевича, а спорить съ нимъ послѣ такой драмы . . . было-бы невозможно!

Клеопатра (быстро идетъ). Вы слышали? Убійца найденъ . . . Сейчасъ его приведутъ сюда.

Яковъ (ворчитъ). Ну, вотъ . . .

Татьяна. Кто это?

Клеопатра. Какой-то мальчишка . . . Я рада . . . Можетъ быть, съ точки зрѣнія гуманности это и нехорошо, но я рада! И если онъ мальчишка, я-бы велѣла его пороть каждый день до суда . . . Николай Васильевичъ гдѣ? . . Не видали? (Идетъ въ дверь налѣво, на встрѣчу ей Генералъ.)

Генералъ (угрюмо). Ну, вотъ! . . Стоятъ всѣ, какъ мокрыя курицы.

Захаръ. Непріятно, дядя . . .

Генералъ. Жандармы? Да . . . этотъ ротмистръ порядочный нахалъ! Мнѣ хочется сыграть съ нимъ штуку . . . Они не останутся ночевать?

Полина. Я думаю нѣтъ . . . зачѣмъ-же?

Генералъ. Жаль! А то-бы . . . ведро холодной воды на него, когда онъ ляжетъ спать! Это дѣлали у меня въ корпусѣ съ трусливыми кадетами . . . Ужасно смѣшно, когда голый и мокрый человѣкъ прыгаетъ и оретъ! . .

Клеопатра (стоя въ дверяхъ). Богъ знаетъ, что вы говорите, генералъ! И почему? Ротмистръ очень приличный человѣкъ и удивительно дѣятельный . . . явился и всѣхъ переловилъ! Это надо цѣнить! (Уходитъ.)

Генералъ. Гм . . . для нея всѣ мужчины съ большими усами — приличные люди. Каждый долженъ знать свое мѣсто, вотъ что . . . Именно — въ этомъ порядочность! (Идетъ къ двери налѣво.) Каждый твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ . . . Эй, Конь! Я тебя ищу . . . въ палатку натекла вода!

Полина (негромко). Она, положительно, чувствуетъ здѣсь себя хозяйкой. Вы посмотрите, какъ она себя ведетъ! . . Невоспитанная, грубая . . .

Захаръ. Скорѣе кончалось-бы все это! Такъ хочется покоя, мира . . . нормальной жизни.

Надя (вбѣгаетъ). Тетя Таня, онъ глупъ, этотъ поручикъ! . . И онъ, должно быть, бьетъ солдатъ . . . Кричитъ, дѣлаетъ страшное лицо . . . Дядя, надо, чтобы къ арестованнымъ пустили женъ . . . тутъ есть пять человѣкъ женатыхъ! . . Ты поди, скажи этому жандарму . . . оказывается, онъ тутъ главный . . .

Захаръ. Видишь-ли, Надя . . .

Надя. Вижу, ты не идешь! . . Иди, иди скажи ему! . . Тамъ плачутъ . . . Иди-же!

Захаръ (уходя). Я думаю — это безполезно . . .

Полина. Ты, Надя, всегда всѣхъ тревожишь! . .

Надя. Это вы всѣхъ тревожите . . .

Полина. Мы? Ты подумай . . .

Надя (возбужденно). Всѣ мы — и я, и ты, и дядя . . . это мы всѣхъ тревожимъ! Ничего не дѣлаемъ, а все изъ-за насъ . . . И солдаты, и жандармы, и все! Эти аресты — тоже . . . и бабы плачутъ . . . все изъ-за насъ!

Татьяна. Поди сюда, Надя . . .

Надя (подходитъ). Ну, пришла . . . ну, что?

Татьяна. Сядь и успокойся . . . Ты ничего не понимаешь, ничего не можешь сдѣлать . . .

Надя. А ты даже сказать ничего не можешь! И не хочу я успокоиться, не хочу!

Полина. Твоя покойница мать, говоря о тебѣ, была права, — ужасный характеръ!

Надя. Да, она была права . . . Она работала и ѣла свой хлѣбъ. А вы, что вы дѣлаете? Чей хлѣбъ ѣдите вы?

Полина. Вотъ, начинается! Надежда, я тебя прошу оставить этотъ тонъ . . . что за окрики на старшихъ?

Надя. Да вы не старшіе. Ну, какіе вы старшіе?.. Просто — старые вы!

Полина. Таня, право это все твои идеи! И ты должна сказать ей, что она глупая дѣвочка . . .

Татьяна. Слышишь? Ты глупая дѣвочка . . .

Надя. Ну, вотъ. И больше вы ничего не можете сказать!.. ничего! Вы даже защищать себя не умѣете... удивительные люди! Вы, право, всѣ какіе-то лишніе, даже здѣсь, въ вашемъ домѣ — лишніе!

Полина (строго). Ты понимаешь, что ты говоришь?..

Надя. Пришли къ вамъ жандармы, солдаты, какіе-то дурачки съ усиками, распоряжаются, пьютъ чай, гремятъ саблями, звенятъ шпорами, хохочутъ . . . и хватаютъ людей, кричатъ на нихъ, грозятъ имъ, женщины плачутъ . . . Ну, а вы? При чемъ тутъ вы? Васъ куда-то затолкали въ углы . . .

Полина. Пойми, ты говоришь вздоръ! Эти люди пришли защищать насъ!

Надя (горестно). Ахъ, тетя! Солдаты не могутъ защитить отъ глупости . . . не могутъ!

Полина (возмущена). Что-о?

Надя (протягивая къ ней руки). Ты не сердись! Я это о всѣхъ говорю! (Полина быстро уходитъ.) Вотъ . . . убѣжала! Скажетъ дядѣ, что я груба, строптива . . . дядя будетъ говорить длинную рѣчь . . . и всѣ мухи умрутъ со скуки!

Татьяна (задумчиво). Какъ ты будешь жить? Не понимаю!

Надя (обводя руками кругомъ себя). Не такъ. Ни за что — такъ. Я не знаю, что я буду дѣлать . . . но ничего не сдѣлаю такъ, какъ вы! Сейчасъ иду мимо террасы съ этимъ офицеромъ . . . а Грековъ смотритъ, куритъ . . . и глаза у него смѣются. Но вѣдь онъ знаетъ, что его . . . въ тюрьму? Видишь? Тѣ, которые живутъ, какъ хотятъ, они ничего не боятся . . . Имъ весело! Мнѣ стыдно смотрѣть на Ефимыча . . . на Грекова . . . другихъ я не

знаю, но эти! . . Этихъ я никогда не забуду . . . Вотъ идетъ дурачекъ съ усиками . . . у-у!

Бобоѣдовъ (входитъ). Какъ страшно! Кого это вы пугаете?

Надя. Я васъ боюсь . . . Вы пустите женщинъ къ мужьямъ, да?

Бобоѣдовъ. Нѣтъ, не пущу. Я — злой!

Надя. Конечно, если вы жандармъ. Почему вы не хотитѣ пустить женщинъ?

Бобоѣдовъ (любезно). Сейчасъ невозможно! А вотъ потомъ, когда ихъ повезутъ, я разрѣшу проститься.

Надя. Но почему-же невозможно? Вѣдь это отъ васъ зависитъ?

Бобоѣдовъ. Отъ меня . . . т. е. отъ закона . . .

Надя. Ну, какой тамъ законъ! Пустите . . . я васъ прошу!

Бобоѣдовъ. Какъ это — какой законъ? И вы тоже законы отрицаете? Ай-яй яй!

Надя. Не говорите со мной такъ! Я не ребенокъ . . .

Бобоѣдовъ. Не вѣрю! Законы отрицаютъ только дѣти и революціонеры.

Надя. Такъ вотъ я революціонерка.

Бобоѣдовъ (смѣясь). О! Тогда васъ надо въ тюрьму . . . арестовать и въ тюрьму . . .

Надя (съ тоской). Ахъ, не надо шутить! Пустите ихъ!

Бобоѣдовъ. Не могу. Законъ!

Надя. Дурацкій законъ!

Бобоѣдовъ (серьезно). Гм . . . это вы напрасно! Если вы не дитя, какъ вы говорите, вы должны знать, что законъ установленъ властью и безъ него невозможно государство.

Надя (горячо). Законъ, власти, государство . . . фу, Боже мой! Но вѣдь это для людей?

Бобоѣдовъ. Гм . . . я думаю! Т. е. прежде всего для порядка!

Надя. Такъ это-же никуда не годится, если люди плачутъ! И ваши власти, и государство, — все это не нужно, если люди плачутъ! Государство . . . какая глупость! Зачѣмъ оно мнѣ? (Идетъ къ двери.) Государство! Ничего не понимаютъ, а говорятъ! (Уходитъ. Бобоѣдовъ нѣсколько растерялся.)

Бобоѣдовъ (Татьянѣ). Оригинальная барышня! Но — опасное направленіе ума . . . Ея дядюшка, кажется, человѣкъ либеральныхъ взглядовъ, да?

Татьяна. Вамъ это лучше знать. Я не знаю, что такое либеральный человѣкъ . . .

Бобоѣдовъ. Ну, какъ-же? Это всѣ знаютъ! . . Неуваженіе ко власти . . . вотъ и либерализмъ! . . А вѣдь я васъ, M-me Луговая, видѣлъ въ Воронежѣ . . . какъ-же! Наслаждался вашей тонкой, удивительно-тонкой игрой! Можетъ быть, вы замѣтили, я всегда сидѣлъ рядомъ съ кресломъ вице-губернатора? Я былъ тогда адьютантомъ при управленіи . . .

Татьяна. Не помню . . . Можетъ быть. Въ каждомъ городѣ есть жандармы, неправда-ли?

Бобоѣдовъ. О, еще-бы! Обязательно въ каждомъ! И долженъ вамъ сказать, что мы, администрація . . . именно мы являемся истинными цѣнителями искусства. Пожалуй, еще купечество. Возьмите, напримѣръ, сборы на подарокъ любимому артисту въ его бенефисъ . . . на подписномъ листѣ вы обязательно увидите фамиліи всѣхъ жандармскихъ офицеровъ! Это, такъ сказать, традиція! Гдѣ вы играете будущій сезонъ?

Татьяна. Еще не рѣшила . . . Но, конечно, въ городѣ, гдѣ непремѣнно . . . есть истинные цѣнители искусства! . . вѣдь это неустранимо?

Бобоѣдовъ (не понялъ). О, конечно! Въ каждомъ городѣ они есть, обязательно! Люди, всетаки, становятся культурнѣе . . . понемножку!

Квачъ (съ террасы). Ваше благородіе! Ведутъ этого . . . который стрѣлялъ! Куда прикажете?

Бобоѣдовъ. Сюда . . . введи всѣхъ ихъ! Позови товарища прокурора. (Татьянѣ.) Извиняюсь! . . Долженъ немножко заняться дѣломъ.

Татьяна. Вы будете допрашивать?

Бобоѣдовъ (любезно). Чуть-чуть, поверхностно, чтобы познакомиться съ людьми . . . маленькая перекличка, такъ сказать!

Татьяна. Мнѣ можно послушать?

Бобоѣдовъ. Гм . . . Вообще это не принято у насъ . . . въ политическихъ дѣлахъ. Но это уголовное дѣло, мы находимся не у себя, и мнѣ хочется доставить вамъ удовольствіе . . .

Татьяна. Меня не будетъ видно . . . Я вотъ отсюда посмотрю.

Бобоѣдовъ. Прекрасно! Я очень радъ хоть чѣмънибудь отплатить вамъ за тѣ наслажденія, которыя испытывалъ, видя васъ на сценѣ. Я только возьму нѣкоторыя бумаги. (Онъ уходитъ. Съ террасы двое пожилыхъ рабочихъ вводятъ подъ руки Рябцова. Сбоку идетъ Конь, заглядывая ему въ лицо. За ними Лѣвшинъ, Ягодинъ, Грековъ и еще нѣсколько рабочихъ. Жандармы.)

Рябцовъ (сердито). Зачѣмъ руки связали? Развяжите . . . ну!

Лѣвшинъ. Вы, братцы, развяжите руки ему! . . Зачѣмъ обижать человѣка?

Ягодинъ. Не убѣжитъ!

Одинъ изъ рабочихъ. Для порядку — надо! По закону требуется, чтобы вязать . . .

Рябцовъ. Не хочу я этого! Развязывай!

Другой рабочій (Квачу). Господинъ жандармъ? Можно? Парень смирный . . . Мы диву даемся . . . какъ это онъ?

Квачъ. Можно. Развяжи . . . ничего!

Конь (внезапно). Вы его напрасно схватили! . . Когда тамъ стрѣляли, онъ на рѣкѣ былъ . . . я его ви-

дѣлъ, и генералъ видѣлъ! (Рябцову.) Ты чего молчишь, дуракъ? Ты говори — не я, молъ, стрѣлялъ... чего ты молчишь?

Рябцовъ (твердо). Нѣтъ, это я.

Лѣвшинъ. Ужъ ему, кавалеръ, лучше знать, кто...

Рябцовъ. Я.

Конь (кричитъ). Врешь ты! Пакостникъ... (Входятъ Бобоѣдовъ и Николай.) Ты въ тотъ часъ въ лодкѣ по рѣкѣ ѣхалъ и пѣсни пѣлъ... что?

Рябцовъ. Это я... послѣ!

Бобоѣдовъ. Который убійца? Этотъ?

Квачъ. Такъ точно!

Конь. Нѣтъ, не онъ!

Бобоѣдовъ. Что? Квачъ, уведи старика! Откуда старикъ?

Квачъ. Состоитъ при генералѣ, ваше благородіе!

Николай (присматриваясь къ Рябцову). Позвольте, Богданъ Денисовичъ... Оставьте, Квачъ!

Конь. Не хватай! Я самъ солдатъ!

Бобоѣдовъ. Стой, Квачъ!

Николай (Рябцову). Это ты убилъ моего брата?

Рябцовъ. Я.

Николай. За что?

Рябцовъ. Онъ насъ мучилъ.

Николай. Какъ тебя зовутъ?

Рябцовъ. Павелъ Рябцовъ.

Николай. Такъ! Конь... вы говорите — что?

Конь (волнуясь). Не онъ убилъ! Онъ по рѣкѣ ѣхалъ въ тотъ часъ!.. Присягу приму!.. Мы съ генераломъ видѣли его... Еще генералъ говорилъ — хорошо-бы, говоритъ, опрокинуть лодку, чтобы выкупался онъ... да! Ишь, ты, мальчишка. Ты это что дѣлаешь, а?

Николай. Почему вы, Конь, такъ увѣренно говорите, что именно въ минуту убійства онъ былъ на рѣкѣ?

Конь. До того мѣста, гдѣ былъ онъ, отъ завода два часа пути . . . Ѣдетъ въ лодкѣ и пѣсни поетъ. Убивши человѣка, пѣсню не запоешь!

Николай (Рябцову). Ты знаешь, что законъ строго наказываетъ за попытку скрыть преступника и за ложное показаніе . . . знаешь ты это?

Рябцовъ. Мнѣ все равно.

Николай. Хорошо. Итакъ, это ты убилъ директора?

Рябцовъ. Я.

Бобоѣдовъ. Какой звѣренышъ! . .

Конь. Вретъ!

Лѣвшинъ. Эхъ, кавалеръ, посторонній вы тутъ!

Николай. Что такое?

Лѣвшинъ. Я говорю — посторонній кавалеръ-то, а мѣшается . . .

Николай. А ты не посторонній? Ты причастенъ къ убійству, да?

Лѣвшинъ (смѣется). Я-то? Я, баринъ, одинъ разъ зайца палкой убилъ, такъ и то душа тосковала . . .

Николай. Ну, и молчать! (Рябцову.) Гдѣ револьверъ, изъ котораго ты стрѣлялъ?

Рябцовъ. Въ воду бросилъ.

Николай. Какой онъ былъ? Разскажи.

Рябцовъ (смущенъ). Какой . . . какіе они бываютъ. Желѣзный . . .

Конь (съ радостью). А, сукинъ котъ! И револьвера-то не видалъ.

Николай. Величины какой? (Показываетъ размѣръ руками въ поларшина.) Такой? Да?

Рябцовъ. Да . . . поменьше.

Николай. Богданъ Денисовичъ, пожалуйте сюда. (Отводитъ Бобоѣдова въ сторону, говоритъ вполголоса.) Тутъ скрыта какая-то пакость. Необходимо болѣе строгое отношеніе къ мальчишкѣ . . . Оставимъ его до пріѣзда слѣдователя.

Бобоѣдовъ. Но вѣдь онъ сознается . . . чего-же?

Николай (внушительно). Мы съ вами имѣемъ подозрѣніе, что этотъ мальчишка не настоящій преступникъ, а подставное лицо, понимаете? (Изъ двери около Татьяны осторожно выходитъ Яковъ и молча смотритъ то закрывая, то открывая глаза. Порою голова его безсильно опускается, точно онъ задремалъ; вскинувъ голову, испуганно оглядывается.)

Бобоѣдовъ (не понимаетъ). Ага-а . . . да, да, да! Скажите, а?

Николай. Это заговоръ! Коллективное преступленіе . . . Онъ мнѣ дорого заплатитъ! . . .

Бобоѣдовъ. Каковъ мерзавецъ, а?

Николай. Пусть вахмистръ уведетъ его пока. Самая строгая изоляція! Я сейчасъ уйду на минуту . . . Конь, вы пойдете со мной! Гдѣ генералъ?

Конь. Червей роетъ . . . (Уходятъ.)

Бобоѣдовъ. Квачъ, уведи-ка этого. И смотрѣть за нимъ! Чтобы ни-ни!

Квачъ. Слушаю! Ну, идемъ, малый!

Лѣвшинъ (ласково). Прощай, Пашокъ, прощай, милый! . .

Ягодинъ (угрюмо). Прощай, Павлуха! . .

Рябцовъ. Прощайте . . ни чего! . . (Рябцова уводятъ.)

Бобоѣдовъ (Лѣвшину). Ты, старикъ, знаешь его?

Лѣвшинъ. А какъ не знать? Работаемъ вмѣстѣ.

Бобоѣдовъ. А тебя какъ зовутъ?

Лѣвшинъ. Ефимъ Ефимовъ Лѣвшинъ.

Бобоѣдовъ (Татьянѣ негромко). Вы посмотрите, что будетъ! Скажи мнѣ, Лѣвшинъ, правду, ты человѣкъ старый, разумный, ты долженъ говорить начальству только правду . . .

Лѣвшинъ. Зачѣмъ врать . . .

Бобоѣдовъ (съ упоеніемъ). Да. Такъ вотъ, скажи ты мнѣ по чистой совѣсти — что у тебя дома за образами спрятано, а? Правду говори!

Лѣвшинъ (спокойно). Ничего тамъ нѣтъ.

Match Бобоѣдовъ. Это правда?

Лѣвшинъ. Да ужъ такъ . . .

Бобоѣдовъ. Эхъ, Лѣвшинъ, стыдно тебѣ! Ты вотъ лысый, сѣдой, а врешь, какъ мальчишка! . . Вѣдь начальство знаетъ не только то, что ты дѣлаешь, а что думаешь — знаетъ. Плохо, Лѣвшинъ! А что такое въ рукахъ у меня?

Лѣвшинъ. Не видать мнѣ . . . слабъ я глазами.

Бобоѣдовъ. Я скажу. Это запрещенныя правительствомъ книжки, призывающія народъ къ бунту противъ Государя. Эти книжки взяты у тебя за образами . . . ну?

Лѣвшинъ (спокойно). Такъ.

Бобоѣдовъ. Ты признаешь ихъ своими?

Лѣвшинъ. Можетъ быть и мои . . . Вѣдь онѣ всѣ похожи одна на другую . . .

Бобоѣдовъ. Такъ какъ-же ты, старый человѣкъ, лжешь?

Лѣвшинъ. Да я вамъ, ваше благородіе, сущую правду сказалъ. Вы спросили, что у меня за образами лежитъ, а ужъ если вы спрашиваете объ этомъ, значитъ, тамъ ничего нѣтъ, значитъ — вытащили. Я и сказалъ — ничего тамъ нѣтъ. Зачѣмъ-же стыдить меня? Я этого не заслужилъ?

Бобоѣдовъ (смущенъ). Вотъ какъ? Прошу, однако, поменьше разговаривать . . . со мной шутки плохи! Кто далъ тебѣ эти книжки?

Лѣвшинъ. Ну, это зачѣмъ-же вамъ знать? Этого я не скажу! Ужъ я и позабылъ откуда они . . . Вы ужъ не безпокойте себя.

Бобоѣдовъ. Ага . . . такъ? Хорошо . . . Алексѣй Грековъ! Который Грековъ?

Грековъ. Это я.

Бобоѣдовъ. Вы привлекались къ дознанію въ Смоленскѣ по дѣлу о революціонной пропагандѣ среди ремесленниковъ, да?

Грековъ. Да, привлекался.

Бобоѣдовъ. Такой молодой и такой талантливый? Пріятно познакомиться . . . Жандармы, выведите ихъ на террасу . . . здѣсь стало душно. Вырыпаевъ Яковъ? Ага . . . Свистовъ Андрей? . . (Жандармы выводятъ всѣхъ на террасу. Бобоѣдовъ со спискомъ въ рукахъ идетъ туда-же.)

Яковъ (тихо). Нравятся мнѣ эти люди.

Татьяна. Да. Но почему они такъ просты . . . такъ просто говорятъ, просто смотрятъ . . . и страдаютъ? Почему! Въ нихъ нѣтъ страсти? Нѣтъ героизма?

Яковъ. Они спокойно вѣрятъ въ свою правду . . .

Татьяна. Должна быть у нихъ страсть! И должны быть герои! . . Но здѣсь . . . ты чувствуешь — они презираютъ всѣхъ!

Яковъ. Хорошъ Ефимычъ! . . Какіе у него все понимающіе, грустно-ласковые глаза. Онъ какъ-бы говоритъ: „ну, зачѣмъ все это? Ушли-бы вы въ сторону . . . дали-бы намъ свободу . . . ушли-бы!“

Захаръ (выглядывая изъ дверей). Удивительно тупы эти господа представители закона! Устроили судьбище . . . Николай Васильевичъ держится какимъ-то завоевателемъ.

Яковъ. Ты, Захаръ, только противъ того, что вся эта исторія разыгрывается у тебя на глазахъ?

Захаръ. Ну, конечно, меня могли-бы избавить отъ этого удовольствія! . . Надя совсѣмъ взбѣсилась . . . наговорила мнѣ и Полинѣ дерзостей, назвала Клеопатру щукой, а теперь валяется у меня на диванѣ и реветъ . . . Богъ знаетъ, что дѣлается! . .

Яковъ (задумчиво). А мнѣ, Захаръ, становится все болѣе противенъ смыслъ происходящаго.

Захаръ. Да, я понимаю . . . Но, что-же дѣлать? Если нападаютъ — надо защищаться. Я положительно не могу найти себѣ мѣста въ домѣ . . . точно онъ пере-

вернулся книзу крышей! Сыро сегодня, холодно . . . этотъ дождь! . . Рано идетъ осень! . . (Идутъ Николай и Клеопатра, оба возбужденные.)

Николай. Я убѣжденъ теперь, — его подкупили.

Клеопатра. Сами они не могли этого выдумать . . . Богданъ Денисовичъ! Тутъ необходимо искать умнаго человѣка.

Николай. Вы думаете — Синцовъ?

Клеопатра. А кто-же? Богданъ Денисовичъ! . .

Бобоѣдовъ (съ террасы). Чѣмъ могу служить?

Николай. Я окончательно убѣдился, что мальчишку подкупили . . . (Говоритъ тихо.)

Бобоѣдовъ (негромко). О-о? Мм . . .

Клеопатра (Бобоѣдову). Вы понимаете?

Бобоѣдовъ. М-н-да-а . . . Какіе мерзавцы! (Оживленно разговаривая, Николай и Ротмистръ скрываются въ дверяхъ. Клеопатра оглянувшись видитъ Татьяну.)

Клеопатра. А . . . вы здѣсь?

Татьяна. Еще что-то случилось?

Клеопатра. Вамъ это безразлично, я думаю . . . Вы слышали о Синцовѣ?

Татьяна. Знаю.

Клеопатра (съ вызовомъ). Да, арестованъ! Я рада, что, наконецъ, выкосили на заводѣ всю эту сорную траву . . . а вы?

Татьяна. Я думаю вамъ это безразлично . . .

Клеопатра (злорадно). Вы симпатизировали этому Синцову! (Смотритъ на Татьяну и лицо ея становится мягче.) Какъ вы странно смотрите . . . и лицо измученное . . . почему?

Татьяна. Вѣроятно отъ погоды.

Клеопатра (подходитъ къ ней). Вотъ что . . . можетъ быть, это глупо . . . но я человѣкъ прямой! . . Пожила я . . . много! Много чувствовала . . . и очень обозлилась! Я знаю, что только женщина можетъ быть другомъ женщины . . .

Татьяна. Вы что-то хотите спросить?

Клеопатра. Сказать, не спросить. Вы мнѣ нравитесь... такая вы свободная, такъ ловко одѣты всегда... и хорошо держитесь съ мужчинами. Я вамъ завидую... и какъ вы говорите, и какъ ходите... А иногда я васъ не люблю... даже ненавижу!

Татьяна. Это интересно. За что?

Клеопатра (странно). Кто вы такая?

Татьяна. То есть?

Клеопатра. Не понимаю я, кто вы? Я хочу видѣть всѣхъ людей опредѣленными, я люблю знать, чего человѣкъ хочетъ! По моему, люди, которые не твердо знаютъ, чего они хотятъ — такіе люди — опасны! Имъ нельзя вѣрить!

Татьяна. Странныя вещи говорите вы! Зачѣмъ мнѣ нужно знать ваши взгляды?

Клеопатра (горячо и тревожно). Нужно, чтобы люди жили тѣсно, дружно, чтобы всѣ мы могли вѣрить другъ другу! Вы видите — насъ начинаютъ убивать, насъ хотятъ ограбить! Вы видите, какія разбойничьи рожи у этихъ арестантовъ? Они знаютъ, чего хотятъ, они это знаютъ! И они живутъ дружно, они вѣрятъ другъ другу... Я ихъ ненавижу! Я ихъ боюсь! А мы живемъ всѣ враждуя, ничему не вѣря, ничѣмъ не связанные, каждый самъ по себѣ... Мы, вотъ, на жандармовъ опираемся, на солдатъ, а они — на себя... и они сильнѣе насъ!

Татьяна. Мнѣ тоже хочется спросить васъ прямо... Вы были счастливы съ мужемъ?

Клеопатра. Зачѣмъ вамъ это?

Татьяна. Такъ. Любопытно!

Клеопатра (подумавъ). Нѣтъ. Онъ былъ всегда занятъ и слишкомъ красивъ. Онъ нравился вамъ, да?

Татьяна. Нѣтъ.

Клеопатра. Странно! Онъ нравился всѣмъ женщинамъ. Въ этомъ для жены мало радости!

Полина (идетъ). Слышали? Конторщикъ Синцовъ оказался соціалистомъ! А Захаръ былъ съ нимъ откровененъ и даже хотѣлъ сдѣлать его помощникомъ бухгалтера! Это, конечно, пустяки, но, подумайте, какъ трудно становится жить! Рядомъ съ вами — ваши принципіальные враги, а вы ихъ не замѣчаете!

Татьяна. Какъ хорошо, что я не богата!

Полина. Ты скажи это въ старости! (Клеопатрѣ мягко.) Клеопатра Петровна, васъ просятъ еще разъ примѣрить платье . . . И прислали крепъ . . .

Клеопатра. Иду . . . Нехорошо . . . неровно бьется сердце у меня . . . Не люблю быть больной!

Полина. Хотите, я вамъ дамъ капель отъ сердцебіенія? . . Очень помогаютъ!

Клеопатра (идя). Спасибо! . .

Полина. Я сейчасъ приду. (Татьянѣ.) Съ ней необходимо быть мягче, это ее успокаиваетъ! Это хорошо, что ты поговорила съ ней . . . И вообще, я завидую тебѣ, Таня . . . ты всегда умѣешь встать на такую удобную центральную позицію! . . Пойду, дамъ ей капель. (Оставшись одна, Татьяна смотритъ на террасу, гдѣ подъ карауломъ солдатъ, расположились арестованные. Изъ двери выглядываетъ Яковъ.)

Яковъ (съ усмѣшкой). А я стоялъ за дверью и слушалъ.

Татьяна (разсѣянно). Говорятъ, это нехорошо . . . подслушивать . . .

Яковъ. Вообще нехорошо слышать, что говорятъ люди. Какъ-то жалко ихъ . . . и скучно. Вотъ что, Таня! Я уѣзжаю . . .

Татьяна. Куда?

Яковъ. Вообще . . . Не знаю еще . . . Прощай!

Татьяна (ласково). Прощай! . . Напиши.

Яковъ. Ужасно скверно здѣсь!

Татьяна. Ты когда ѣдешь?

Яковъ (странно улыбаясь). Сегодня . . . Уѣзжай и ты . . . а?

Татьяна. Да, я уѣду. Почему ты улыбаешься?

Яковъ. Такъ . . . Можетъ быть, мы не увидимся болѣе . . .

Татьяна. Глупости!

Яковъ. Ну, прости меня! (Татьяна цѣлуетъ его въ лобъ. Онъ тихо смѣется, отстраняя ее.) Ты поцѣловала меня точно покойника . . . (Медленно уходитъ. Татьяна, посмотрѣвъ вслѣдъ ему, хочетъ итти за нимъ, но останавливается, сдѣлавъ слабый жестъ рукой. Выходитъ Надя съ зонтомъ въ рукахъ.)

Надя. Пожалуйста, пойдемъ со мной въ садъ . . . У меня голова болитъ . . . я сейчасъ плакала, плакала . . . какъ дура! Если я пойду одна, снова буду плакать.

Татьяна. О чемъ плакать, дѣвочка? Не о чемъ!

Надя. Мнѣ досадно. Я ничего не понимаю. Кто-же правъ? Дядя говоритъ — онъ . . . а я не чувствую этого! Онъ добрый, дядя? Я была увѣрена, что онъ добрый . . . а теперь — не знаю! Когда онъ говоритъ со мной, мнѣ кажется, что я сама злая и глупая . . . а когда я начну думать о немъ . . . и спрашивать себя обо всемъ . . . ничего не понимаю!

Татьяна (грустно). Если ты будешь сама себѣ ставить вопросы, ты сдѣлаешься революціонеркой . . . и погибнешь въ этомъ хаосѣ, милая ты моя! . .

Надя. Надо чѣмъ-нибудь быть, надо! (Татьяна тихо смѣется.) Чему ты смѣешься? Надо! Нельзя жить и хлопать глазами, ничего не понимая!

Татьяна. Я потому засмѣялась, что сегодня всѣ это говорятъ . . . всѣ, вдругъ! Почему? (Идутъ. Навстрѣчу имъ Генералъ и Поручикъ. Поручикъ ловко уступаетъ дорогу.)

Генералъ. Мобилизація, поручикъ, необходима! Она имѣетъ двоякую цѣль . . . (Надѣ и Татьянѣ.) Вы куда, а?

Татьяна. Гулять.

Генералъ. Если встрѣтите этого конторщика . . . какъ его? Поручикъ, какъ фамилія этого человѣка, съ которымъ я васъ познакомилъ давеча?

Поручикъ. Покатый, ваше превосходительство!

Генералъ (Татьянѣ). Пошлите его ко мнѣ, я буду въ столовой пить чай съ коньякомъ и съ поручикомъ . . . х-хо-хо! (Оглядывается, прикрывъ ротъ рукой.) Благодарю, поручикъ! У васъ хорошая память, да! Это прекрасно! Офицеръ долженъ помнить имя и лицо каждаго солдата своей роты. Когда солдатъ рекрутъ, онъ хитрое животное, — хитрое, лѣнивое и глупое. Офицеръ влѣзаетъ ему въ душу и тамъ все поворачиваетъ по своему, чтобы сдѣлать изъ животнаго человѣка, разумнаго и преданнаго долгу . . . (Идетъ Захаръ озабоченный.)

Захаръ. Дядя, вы не видѣли Якова?

Генералъ. Не видалъ Якова . . . Тамъ есть чай?

Захаръ. Есть, есть! (Генералъ и Поручикъ уходятъ. Съ террасы идетъ Конь, сердитый, растрепанный.) Конь, вы не видѣли брата?

Конь (сурово). Нѣтъ. Я теперь не буду говорить ничего. И увижу человѣка — не скажу . . . Буду молчать . . . Ладно! Я поговорилъ на своемъ вѣку . . .

Полина (идетъ). Тамъ пришли мужики, они опять просятъ отсрочить аренду.

Захаръ. Вотъ! Нашли время . . .

Полина. Жалуются, что урожай плохой и платить имъ нечѣмъ.

Захаръ. Они всегда жалуются . . . Ты не встрѣчала Якова?

Полина. Нѣтъ. Что-же имъ сказать?

Захаръ. Мужикамъ? Пусть идутъ въ контору . . . я не буду съ ними говорить!

Полина. Но въ конторѣ нѣтъ никого! Ты-же знаешь — у насъ полная анархія. Вотъ ужъ скоро обѣдъ, а этотъ ротмистръ все проситъ чаю. Въ сто-

ловой съ утра не убранъ самоваръ и, вообще, жизнь похожа на какое-то дурачество.

Захаръ. Ты знаешь, Яковъ вдругъ собрался куда-то ѣхать! Эти больные люди! . .

Полина. Ты прости мнѣ, но, право, хорошо, что онъ уѣдетъ . . .

Захаръ. Да, конечно. Онъ ужасно раздражаетъ, говоритъ чепуху . . . Вотъ сейчасъ, присталъ ко мнѣ, спрашиваетъ — можно-ли изъ моего револьвера убить ворону? Говорилъ какія-то дерзости. Наконецъ, ушелъ и унесъ револьверъ . . . Всегда пьяный . . . (Съ террасы входятъ Синцовъ съ двумя жандармами и Квачъ. Полина, молча посмотрѣвъ на Синцова въ лорнетъ, уходитъ. Захаръ смущенно поправляетъ очки.)

Захаръ (укоризненно). Вотъ, господинъ Синцовъ . . . какъ это грустно! Мнѣ очень жаль васъ . . . очень!

Синцовъ (съ улыбкой). Не безпокойтесь . . . стоитъ-ли?

Захаръ. Стоитъ! Люди должны сочувствовать другъ другу . . . И даже, если человѣкъ, которому я довѣрялъ, не оправдалъ моего довѣрія, все равно, видя его въ несчастіи, я считаю долгомъ сочувствовать ему . . . да! Прощайте, господинъ Синцовъ!

Синцовъ. До свиданія . . .

Захаръ. Вы не имѣете ко мнѣ . . . какихъ-либо претензій?

Синцовъ. Рѣшительно никакихъ.

Захаръ (смущенно). Прекрасно. Прощайте. Ваше жалованіе будетъ выслано вамъ . . . да! (Идетъ.) Но это невозможно! Мой домъ становится какой-то жандармской канцеляріей! (Синцовъ усмѣхается. Квачъ все время пристально разсматриваетъ его, особенно руки. Замѣтивъ это, Синцовъ тоже нѣсколько секундъ смотритъ въ глаза Квача. Тотъ усмѣхается.)

Синцовъ. Ну, въ чемъ дѣло?

Квачъ (радостно). Ничего . . . ничего!

Бобоѣдовъ (выходитъ). Господинъ Синцовъ, вы сейчасъ отправитесь въ городъ.

Квачъ (радостно). Ваше благородіе, они совсѣмъ не господинъ Синцовъ, а другое . . .

Бобоѣдовъ. Какъ? Говори яснѣе!

Квачъ. Да я-же ихъ знаю! Они жили на Брянскомъ заводѣ, и тамъ ихъ имя было Максимъ Марковъ! . . Тамъ мы ихъ арестовали . . . два года назадъ, ваше благородіе! . . Они и не баринъ, а, просто, слесарь, и на лѣвой рукѣ, на большомъ пальцѣ, у нихъ ногтя нѣтъ, я знаю! Они не иначе, какъ бѣжали откуда нибудь, если по чужому паспорту живутъ!

Бобоѣдовъ (пріятно удивленъ). Это правда, господинъ Синцовъ?

Квачъ. Все правда, ваше благородіе! . .

Бобоѣдовъ. Что-же вы молчите, а? Позвольте-ка вашу руку . . . Квачъ, ноготь есть?

Квачъ. Да нѣтъ-же!

Бобоѣдовъ. Какъ-же васъ зовутъ, а?

Синцовъ (спокойно). Какъ вамъ угодно . . .

Бобоѣдовъ (довольно). Такъ, значитъ, вы не Синцовъ, те-те-те?

Синцовъ. Кто-бы я ни былъ, вы обязаны вести себя со мной прилично . . . не забывайте!

Бобоѣдовъ. Ого-го! Сразу видно серьезнаго человѣка. Квачъ, ты самъ повезешь его! . . Смотри въ оба!

Квачъ. Слушаю!

Бобоѣдовъ (радостно). Такъ вотъ, господинъ Синцовъ, или какъ васъ тамъ зовутъ, вы ѣдете въ городъ. Ты, Квачъ, немедленно доложишь начальнику . . . все, что знаешь о немъ, и сейчасъ же затребовать прежнее производство . . . впрочемъ, это я самъ! Подожди, Квачъ! . . (Быстро уходитъ.)

Квачъ (добродушно). Вотъ и снова встрѣтились!

Синцовъ (усмѣхаясь). Вы рады?

Квачъ. А, какъ-же? Знакомый!

Синцовъ (брезгливо). Вамъ пора-бы уже бросить это дѣло. Волосы сѣдые, а приходится какъ собакѣ выслѣживать . . . Неужели вамъ не обидно?

Квачъ (добродушно). Ничего, я привыкъ! Я уже двадцать три года служу. И совсѣмъ не какъ собака — начальство меня уважаетъ. Орденъ обѣщали — Анну, да! Теперь дадутъ!

Синцовъ. За меня?

Квачъ. А за васъ! Вы откуда бѣжали?

Синцовъ. Потомъ узнаете!

Квачъ. Узнаемъ! А помните, тамъ, на Брянскомъ черный такой былъ, въ очкахъ? Учитель, Савицкій? То онъ тоже былъ недавно опять арестованъ . . . Ну, только умеръ онъ въ тюрьмѣ . . . Очень больной былъ! Мало васъ, всетаки!

Синцовъ (задумчиво). Будетъ много . . . подождите!

Квачъ. О? Это хорошо! Больше политическихъ — намъ лучше!

Синцовъ. Награды чаще получаете? (Въ дверяхъ появляются Бобоѣдовъ, Генералъ, Поручикъ, Клеопатра и Николай.)

Николай (взглянувъ на Синцова). Я чувствовалъ это . . . (Исчезаетъ.)

Генералъ. Хорошъ!

Клеопатра. Теперь понятно, откуда все пошло!

Синцовъ (съ ироніей). Послушайте, господинъ жандармъ, вамъ не кажется, что вы ведете себя глупо?

Бобоѣдовъ. Не . . . не учить меня!

Синцовъ (настойчиво). Нѣтъ, я поучу! Прекратите этотъ дурацкій спектакль!

Генералъ. О-о . . . какой, а?

Бобоѣдовъ (кричитъ). Квачъ, уведи его!

Квачъ. Слушаю! (Уводитъ Синцова.)

Генералъ. Это, должно быть, звѣрь, а? Какъ онъ . . . рычитъ, а?

Клеопатра. Я увѣрена, что это онъ начало всему!

Бобоѣдовъ. Возможно . . . очень возможно!

Поручикъ. Будутъ его судить, да?

Бобоѣдовъ (усмѣхаясь). Мы ихъ безъ соуса ѣдимъ . . . и такъ вкусно!

Генералъ. Это остроумно! Какъ устрицъ . . . хамъ!

Конь (съ террасы). Слѣдователь пріѣхалъ!

Бобоѣдовъ. Ага? Ну, вотъ, ваше превосходительство, теперь мы живо раздѣлимъ всю дичь и избавимъ васъ отъ этого анекдота! Николай Васильевичъ, вы гдѣ? Слѣдователь пріѣхалъ . . . (Всѣ скрываются въ дверяхъ. Съ террасы входитъ Становой.)

Становой (Коню). Допросъ здѣсь будетъ?

Конь (угрюмо). Я не знаю. Ничего не знаю! . .

Становой. Столъ, бумаги . . . значитъ, здѣсь! (Говоритъ на террасу.) Введите сюда всѣхъ! (Коню.) Покойникъ-то ошибся: сказалъ, рыжій его застрѣлилъ, а, оказывается, черноватый!

Конь (ворчливо). И живые ошибаются! . . (Съ террасы снова вводятъ арестованныхъ.)

Становой. Ставь ихъ здѣсь . . . рядомъ! Старикъ, становись съ краю! Не стыдно тебѣ? Старый чертъ!

Грековъ. Зачѣмъ-же вы ругаетесь?

Лѣвшинъ. Ничего, Алеша! Пускай его . . .

Становой (грозя). Я тебѣ поговорю!

Лѣвшинъ. Ничего! Должность такая . . . обижающая! (Входятъ Николай, Бобоѣдовъ и Слѣдователь, толстый человѣкъ съ большимъ краснымъ лицомъ. Садятся за столъ. Сбоку — письмоводитель, маленькій, сѣдой старичекъ въ очкахъ. Генералъ усаживается на кресло въ углу, сзади него Поручикъ. Въ дверяхъ Клеопатра и Полина, потомъ, сзади нихъ, Татьяна и Надя. Черезъ ихъ плечи, недовольно смотритъ Захаръ. Откуда-то бокомъ и осторожно идетъ Пологій, кланяется сидящимъ за столомъ и растерянно останавливается посреди комнаты. Генералъ манитъ его къ себѣ движеніемъ пальца. Онъ идетъ на носкахъ сапогъ и становится рядомъ съ кресломъ генерала. Вводятъ Рябцова.)

Николай. Начнемъ. Павелъ Рябцовъ . . .

Рябцовъ. Ну?

Бобоѣдовъ. Не — „ну“, дуракъ, а что угодно!

Николай. Итакъ, вы настаиваете, что директоръ убитъ вами?

Рябцовъ (недовольно). Я сказалъ ужъ . . . чего-же еще?

Николай. Вы знаете Алексѣя Грекова?

Рябцовъ. Это какого?

Николай. А вотъ, рядомъ съ вами стоитъ.

Рябцовъ. Онъ у насъ работаетъ.

Николай. Значитъ, вы знакомы съ нимъ?

Рябцовъ. Мы всѣ знакомы.

Николай. Конечно. Но вы у него бывали въ домѣ, гуляли съ нимъ . . . вообще, вы его коротко, близко знаете? Вы — товарищи?

Рябцовъ. Я со всѣми гуляю. Всѣ мы товарищи.

Николай. Да? Я думаю — вы лжете! Г. Пологій, скажите намъ, Рябцовъ и Грековъ въ какихъ отношеніяхъ?

Пологій. Въ тѣсныхъ отношеніяхъ дружбы . . . Здѣсь имѣется двѣ компаніи. Молодыми предводительствуетъ Грековъ, юноша очень дерзкій въ обращеніи съ лицами, которыя стоятъ неизмѣримо выше его. А пожилыми руководствуетъ Ефимъ Лѣвшинъ . . . человѣкъ фантастическій въ своихъ рѣчахъ и лисообразный въ обращеніи . . .

Надя (тихо). Ахъ, какой мерзавецъ! (Пологій оглядывается на нее и вопросительно смотритъ на Николая. Николай тоже кидаетъ взглядъ въ сторону Нади.)

Николай. Ну-съ, дальше!

Пологій (вздохнувъ). Ихъ соединяетъ господинъ Синцовъ, который со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ. Это личность не похожая на простого человѣка, съ нормальнымъ умомъ. Онъ читаетъ разныя книги и имѣ-

етъ обо всемъ свои сужденія. Въ квартирѣ у него, которая наискось моей и состоитъ изъ трехъ комнатъ . . .

Николай. Вы не такъ подробно . . .

Пологій. Извините . . . Правда требуетъ полноты формъ.

Николай. Да, но намъ некогда!

Пологій. Въ квартиру его заходятъ всевозможныя личности, а также присутствующіе здѣсь, какъ-то, Грековъ . . .

Николай. Грековъ, это правда?

Грековъ (спокойно). Прошу ко мнѣ не обращаться съ вопросами, я отвѣчать не буду . . .

Николай. Напрасно.

Надя (громко). Вотъ хорошо!

Клеопатра. Что за выходки?

Захаръ. Надя, дорогая моя! . .

Бобоѣдовъ. Тсс . . . (На террасѣ шумъ.)

Николай. Я нахожу излишнимъ присутствіе здѣсь постороннихъ лицъ . . .

Генералъ. Гм . . . Кто-же тутъ посторонніе?

Бобоѣдовъ. Квачъ, посмотри, что за шумъ!

Квачъ. Человѣкъ рвется въ дверь, ваше благородіе! Претъ въ дверь и ругается, ваше благородіе!

Николай. Что ему надо? Кто это?

Бобоѣдовъ. Спроси!

Пологій. Прикажете продолжать или пріостановиться?

Надя. О, подлецъ!

Николай. Пріостановитесь! . . Постороннихъ лицъ я прошу уйти.

Генералъ. Позвольте . . . это какъ понять?

Надя (кричитъ задорно). Посторонніе здѣсь вы! Вы, а не я! Вы вездѣ посторонніе . . . я здѣсь дома! Это я могу требовать, чтобы вы удалились . . .

Захаръ (возбужденно Надѣ). Наконецъ, уйди! Немедленно . . . уйди!

Надя. Да? Вотъ какъ! . . Значитъ, это я . . . дѣйствительно, я посторонняя здѣсь? Такъ я уйду, но я скажу вамъ . . .

Полина. Удержите ее . . . она скажетъ что-нибудь ужасное! . .

Николай (Бобоѣдову). Скажите жандармамъ, чтобы закрыли двери!

Надя. Вы всѣ безсовѣстные люди . . . безъ сердца, жалкіе . . . несчастные . . .

Квачъ (входитъ радостно). Ваше благородіе! Еще одинъ открывается!

Бобоѣдовъ. Что?

Квачъ. Еще одинъ убійца пришелъ! (Къ столу идетъ не торопясь Якимовъ, рыжеватый парень съ большими усами.)

Николай (невольно приподнимаясь). Что вамъ нужно?

Якимовъ. Это я убилъ директора.

Николай. Вы?

Якимовъ. Я.

Клеопатра (тихо). А-а . . . мерзавецъ! Совѣсть имѣешь! . .

Полина. Боже мой! Какіе ужасные люди!

Татьяна (спокойно). Эти люди побѣдятъ! . .

Якимовъ (угрюмо). Ну, что-же? На-те, ѣшьте! (Общее смущеніе. Николай что-то быстро шепчетъ слѣдователю. Бобоѣдовъ растерянно улыбается. Въ толпѣ арестованныхъ молчаніе, всѣ стоятъ неподвижно. Въ дверяхъ Надя смотритъ на Якимова и плачетъ. Полина и Захаръ шепчутся. Въ тишинѣ ясно слышенъ негромкій голосъ Татьяны.)

Татьяна (Надѣ). Не плачь, эти люди побѣдятъ! . .

Николай. Ну-съ, господинъ Рябцовъ? А какъ-же вы теперь? . .

Рябцовъ (смущенно). А — никакъ . . .

Якимовъ. Молчи, Паша! . . Ты — молчи!

Лѣвшинъ (радостно). Э-хъ, братики, милые! . .

Николай (ударивъ кулакомъ по столу). Молчать!

Якимовъ (спокойно). Не кричи, баринъ. Мы — не кричимъ.

Надя (Якимову, громко). Послушайте . . . развѣ это вы убили? Это — они всѣхъ убиваютъ . . . это они убиваютъ всю жизнь своей жадностью, своей трусостью! . . (Ко всѣмъ.) Это — вы, вы преступники!

Лѣвшинъ (горячо). Вѣрно, барышня. Не тотъ убилъ, кто ударилъ, а тотъ, кто злобу родилъ! . . Вѣрно, милая. (Общее смятеніе, шумъ.)

ЗАНАВѢСЪ.

